

*Между Пешкой
и демоном*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Мош

Между Пешкой и демоном

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73176553

SelfPub; 2026

Аннотация

Анна никогда не верила в демонов, пока один из них не швырнул её на шахматную доску Изнанки. Она – не игрок, она – Пешка. Её жизнь висит на призрачной нити, и единственный способ не влететь в Бездну – довериться Даниэлю, игроку в этой жестокой игре.

Проблема лишь в том, что Даниэль – самый невыносимый, самовлюбленный и дерзкий ублюдок по обе стороны реальности с повадками капризного тирана.

Сможет ли Пешка найти общий язык с существом, которое бесит её больше, чем сама смерть? Или их взаимная неприязнь сожжет их дотла раньше, чем враги сделают свой ход?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	46
Глава 10	52
Глава 11	58
Глава 12	63
Глава 13	69
Глава 14	81
Глава 15	88
Глава 16	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Юлия Мош

Между Пешкой и демоном

Глава 1

Наконец-то отпуск! Я ждала этого четыре бесконечных года. В моем календаре этот день был обведен жирным красным кругом, как дата освобождения из добровольного рабства. Десять дней без едких замечаний начальства, без бесконечных групповых чатов, где сообщения валяются градом даже в полночь, без дедлайнов, пахнущих литрами остывшего кофе. Только я и мое право на тишину.

Я с силой затянула молнию на чемодане, чувствуя, как внутри всё вибрирует от предвкушения. Такси уже ждало у подъезда, залитого ослепительным утренним солнцем. Всего через час я была в аэропорту – огромном, футуристичном здании, которое после недавней реконструкции напоминало изящный белый космический корабль, приземлившийся посреди мегаполиса.

Внутри царил упоительный хаос: шум чемоданных колесиков по глянцевому полу, гул сотен голосов и механический женский голос, объявляющий посадку. Все спешили к морю, к лазурным волнам и беззаботности «все включено». Я вдыхала этот воздух перемен, и меня буквально потряхивало от

нетерпения.

Я направилась к лифтам – современным капсулам из стекла и полированной стали. Сенсорная панель холодила кончики пальцев. Как ни странно, в огромном холле было полно людей, но когда подошел мой лифт, я оказалась в нем совершенно одна. Прозрачные створки бесшумно сомкнулись. Я коснулась светящейся цифры этажа, и кабина плавно поплыла вверх.

Я успела заметить, как панорама аэропорта начала уходить вниз, превращаясь в декорацию. Странно, ведь я нажала кнопку верхнего этажа.

Резкий, ощутимый толчок подбросил меня на месте. Раздался скрежет, словно гигантские когти провели по металлу, и свет погас мгновенно. Наступила такая абсолютная, липкая темнота, что я перестала видеть собственные руки. В ушах зазвенело от внезапной тишины. Мелькнула паническая мысль: лифт стеклянный, снаружи должен падать солнечный свет! Но за стенами был лишь мрак, густой и мертвый.

Не успела я закричать, как вспыхнул свет. Но не прежний, стерильно-белый, а тусклый, тревожно-желтый, исходящий от старинных ламп-рожков.

Я вскрикнула, отшатнувшись к углу. Кабина преобразилась. Полированная сталь превратилась в кованую решетку, увитую замысловатым узором из черных змей и увядших роз. Стеклоянные стены исчезли, сменившись тяжелым чугу-

ном. Лифт тронулся дальше, но теперь он не ехал, а тяжело полз с надрывным скрипом и лязгом старых цепей. Под потолком покачивалась полукруглая медная шкала, по которой ползла стрелка, указывая на странные рунические знаки вместо цифр.

Раздался резкий колокольный звон – «дзынь!». Клетка дернулась и замерла. Решетчатые створки медленно, со стоном, поползли в стороны.

За ними я увидела мужчину. Бледный, с безупречной осанкой, он был одет в ливрею, которая казалась сшитой из тяжелого синего бархата. Его лицо не выражало ничего, кроме холодной учтивости.

– Анна, прошу вас, выходите. – его голос был тихим, но глубоким, заполняющим всё пространство. – Мы вас ждали.

Я вцепилась в ручку чемодана так, что костяшки побелели.

– Кто вы? Где я? Что это за розыгрыш? – я не узнала свой голос, он сорвался на хрип.

– Выходите, пожалуйста, не задерживайте механизм. – консьерж нахмурился, и его тон стал угрожающе настойчивым.

– Я никуда не пойду, пока вы не скажете, что происходит!

– Мне придется вывести вас силой, если вы не сделаете это сами. – отрезал он.

Я посмотрела ему в глаза и похолодела. На мгновение мне

показалось, что его зрачки сузились, превратившись в тонкие вертикальные щели, как у рептилии, а затем и вовсе исчезли, оставив лишь пустую желтизну. Я моргнула – всё вернулось в норму, но первобытный ужас уже диктовал свои условия. Я вышла из лифта, пошатываясь от слабости в ногах.

Едва я сделала шаг, как за моей спиной раздался хлопок. Я обернулась: там, где только что была кованая клетка, теперь чернела пустая каменная арка. Пути назад не было.

Я оказалась в необъятном готическом зале. Потолки уходили так высоко в тень, что казались бесконечными, а сверху свисали массивные люстры, на которых оплавливались сотни настоящих восковых свечей. Окна-витражи, затянутые багровым стеклом, не впускали свет, а лишь создавали жуткие кровавые блики на полу. Всюду была резьба по темному дереву и холодный камень, от которого веяло вековой сыростью.

Зал был полон людей. Но этот маскарад пугал до тошноты. Женщины в невероятных платьях – черных, темно-фиолетовых, алых – с корсетами, затянутыми до неестественной тонкости талий. Мужчины в строгих фраках и камзолах. Они стояли группами у высоких круглых столов, попивая темную жидкость из хрустальных бокалов и вполголоса переговариваясь.

Среди этой мрачной аристократии я со своим чемоданом и в джинсах выглядела как безумная ошибка реальности. Но

я была не одна. Из глубоких ниш в стенах начали выходить другие. Девушка в легком розовом сарафане, парень в пляжных шортах и майке, мужчина в помятом офисном костюме с галстуком набок. Всего нас было десять человек – яркие, нелепые пятна в этом царстве вечного траура. Мы все оглядывались с одинаковым выражением дикого, парализующего страха и удивления на лицах. Девушка в сарафане, заметив меня, тут же бросилась в мою сторону, её пальцы дрожали, а шляпка с широкими полями съехала набок.

Я смотрела на этот зал, вдыхая запах воска и чего-то сладковато-гнилостного, и понимала: мой самолет в Сочи улетел без меня. И, кажется, в ту реальность, которую я знала, билетов больше не продают.

Глава 2

– Девушка! Ну девушка же! – раздался рядом резкий, почти визгливый голос, от которого у меня заложило уши.

Я вздрогнула и обернулась. Рядом со мной, гневно раздувая ноздри, стояла та самая особа в шляпке. Широкие полы бросали густую тень на её лицо, а огромные темные очки скрывали глаза, но я кожей чувствовала исходящие от неё волны истерики.

– Что вам угодно? – холодно бросила я, пытаюсь унять дрожь в коленях.

Женщина на мгновение лишилась дара речи. Она открыла рот, как выброшенная на берег рыба, глубоко задышала, а затем буквально взорвалась:

– Что?! Вы как со мной разговариваете?! Да вы хоть знаете, кто я? Знаете, кто мой муж? Он всю эту... эту дешевую забегаловку сровняет с землей до конца недели! – Она махала руками, едва не сбивая с меня кепку. – Вы что, оглохли? Скажите немедленно адрес! Мое приложение такси не видит этого зачуханного места!

– Я понятия не имею, где мы. – я демонстративно отвернулась, разглядывая бесконечные готические своды.

– Как это? – её голос сорвался на высокий стон. – Я была в ресторане. Миша отошел, я зашла в туалет... и вышла сюда! Что это за розыгрыш?

– Пять минут назад я входила в лифт аэропорта столицы. – отрезала я, чувствуя, как внутри растёт ледяной ком. – Так что если это и розыгрыш, то ваш Миша очень сильно переплатил.

Женщина осеклась. В её глазах за стеклами очков промелькнуло осознание того, во что мы влипли. Тем временем из теней вышли другие: всего нас было десятеро. Офисный клерк, парень в шортах, женщина в сарафане – мы стояли плотной кучкой, современные «потеряшки» в центре этого безумного маскарада.

– Мы рады приветствовать вас, леди и джентльмены! – внезапно прогрохотало под сводами.

Я вздрогнула. В центре зала, там, где секунду назад была лишь пустота, возникла сцена. На ней стоял мужчина: приземистый, коренастый, с длинным, острым носом, напоминающим клюв хищной птицы. Во фраке и с тростью, он выглядел как зловещая пародия на Пингвина из комиксов о Бетмене.

– Все мы в курсе, зачем здесь собрались... – начал он, масляно улыбаясь.

– Я не в курсе! Объясните немедленно! – взвизгнула девушка в шляпке, делая шаг вперед.

Зал замер. Десятки бледных лиц в корсетах и фраках обернулись к нам. В их взглядах не было сочувствия – только брезгливое любопытство. Пингвин на сцене недовольно скривился. Он лениво щелкнул пальцами.

В ту же секунду женщина захлебнулась криком. Во рту у

неё из ниоткуда возник кожаный ремешок с черным шариком-кляпом. Она в ужасе схватилась за лицо, её очки слетели, открывая выпученные, полные слез глаза. Она пыталась сорвать ремень, но пальцы просто соскальзывали с кожи, словно та была частью её собственного тела.

– Как я и говорил... – продолжил Пингвин, будто ничего не произошло. – мы начинаем церемонию. Сначала – угощение, затем – сопряжение.

Из арок бесшумно выкатились официанты с серебряными тележками. Я невольно присмотрелась к блюдам, которые они расставляли на столиках. На ближайшем ко мне серебряном подносе возвышалась горка... глаз. Сотни глазных яблок, влажных и глянцевого цвета, уставились в потолок.

«Это стилизация. Это марципан» – заклинал мой разум. Но тут одна из дам в бархатном платье изящной шпажкой подцепила «закуску» и отправила в рот. Раздался отчетливый влажный хруст. Меня едва не вывернуло.

Официанты двигались как тени. Один из них зашел в темную арку и буквально растворился в ней, хотя я видела лишь глухую стену. Пространство здесь подчинялось иным законам.

– А теперь – жеребьевка! Леди Клео, прошу вас! – Пингвин отвесил поклон, и на сцену вышла блондинка в черном шелке.

Она протянула ему руку, и воздух между ними задрожал. От её пальцев метнулась багровая нить. Она змеей взвилась

под потолок, а затем резко, как кобра, рванула вниз – к одному из парней в нашей группе. Нить захлестнулась вокруг его запястья, вспыхнула и натянулась. Парень вскрикнул, попытался сорвать её, но ладонь просто проходила сквозь не, как сквозь дым.

Один за другим люди обретали своих «хозяев». Страх сжимал моё горло всё теснее, пока зал вдруг не накрыла волна тишины.

Раздался хлопок, тяжелый, как падение могильной плиты. Все головы повернулись ко входу.

Из тени вышел он.

Лет двадцать пять. Высокий и худощавый, но в каждом его движении чувствовалась скрытая пружинная мощь. Чёрные джинсы, чёрная рубашка, рукава закатаны до локтей. Волосы – темные, небрежно собранные в хвост, с выбритыми висками. Он выглядел как гость из моего мира, но его глаза... в них была бездна, в которой не было места жалости.

– О, продолжайте праздник... – ехидно протянул он, его голос вибрировал от самодовольства. – Кажется, моё приглашение затерялось. Охрана на входе была так расстроена... Очухаются часа через три.

– Даниэль? – голос Пингвина на сцене дрогнул. – Что ты здесь делаешь?

– Пришел забрать своё. – Даниэль прошелся вдоль рядов, и я почувствовала, как волоски на руках встали дыбом.

Он остановился напротив меня. Его взгляд, холодный и

жаркий одновременно, скользнул по моему лицу, и сердце пропустило удар. Он поднялся на сцену, отстранив Пингвина, и просто притянул воздух рукой.

Его нить была другой. Не просто красной – она была соткана из живого, пульсирующего огня. Она не стала искать путь. Она ударила в меня молнией.

Я отшатнулась, вскрикнув, но огненный шнур уже впился в моё запястье. Боже, как это было больно! Будто на руку надели кольцо из раскаленного железа. Я видела, как свет прижигает кожу, чувствовала запах гари, но через секунду боль стихла, оставив после себя тяжелое серебряное кольцо, которое теперь казалось частью моей плоти.

– Пойдем. – Даниэль уже стоял рядом. Его наглая усмешка вблизи казалась еще невыносимей.

Он мертвой хваткой вцепился в мою руку и потащил за собой, прочь от сцены.

– Даниэль! По традиции все должны дожидаться окончания! – выкрикнула женщина в кроваво-красном.

– Какое счастье, что мне плевать на традиции. – бросил он, даже не обернувшись.

Снова оглушительный хлопок. Пространство вокруг меня смялось, как лист бумаги. Желудок подкатил к горлу, голову пронзила острая боль. Я зажмурилась, а когда открыла глаза...

Мы стояли посреди того самого терминала в аэропорту. Шум толпы, голос диктора, запах кофе. Всё вернулось. Но

на моей руке всё так же пульсировало сталью кольцо, а за локоть меня держал демон, который только что украл мою жизнь.

Глава 3

Секунд пять я просто хватала ртом воздух. Звуки Шереметьево обрушились на меня лавиной: объявления дикторов, шум толпы, детский плач. Всё это казалось нереальным после того застывшего готического склепа.

– Твою мать! Самолёт! – заорала я, внезапно вспоминая о своей главной цели.

Я дернула рукой, сбрасывая его ладонь. Кожа в месте соприкосновения горела, будто он оставил на мне клеймо. Не оборачиваясь, я рванула в сторону своего гейта. Море, солнце, отсутствие демонов – я хваталась за мысли об отпуске, как за последний шанс остаться нормальной. Если я сяду в самолёт, этот кошмар развеется.

Лифтом пользоваться не хотелось – после той поездки «в клетке» у меня от одного вида раздвижных дверей начинался нервный тик. Я взлетела по лестнице на второй этаж, перепрыгивая через ступеньки, едва не сшибая с ног сонного туриста.

И застыла.

Он стоял прямо на моем пути. У самого выхода на посадку. Даниэль вальяжно прислонился к стене, скрестив руки на груди и чуть склонив голову набок. На его лице цвела такая самодовольная ухмылка, что мне захотелось съездить по ней со всей дури. Как он обогнал меня? Мне было плевать.

Плевать на магию и на огненные нити.

– С дороги! – выплюнула я, надевая маску ледяного безразличия. Внутри всё дрожало, но я готова была вцепиться ему в лицо, если он не сдвинется.

Я попыталась обойти его слева. Он лениво сделал шаг, снова перекрывая дорогу. Я вправо – он там же. Даниель двигался с грацией хищника, который забавляется с добычей.

– Чего тебе надо, Даниель? – я сорвалась на резкий тон, упирая руки в бока. – Свали в туман, откуда выбрался. У меня посадка заканчивается!

– О, а у тебя зубки поострее, чем кажется на первый взгляд. Просто Дэн. – промурлыкал он. Голос у него был глубокий, с наглой хрипотцой. – Мне не нужна твоя посадка. Мне нужна ты. Ты теперь моя пешка. А Игра, детка, не любит ждать.

– Слышь, «игрок»... – я сделала шаг вперед, сокращая дистанцию до опасного минимума. Мое сердце колотилось в горле, но я смотрела ему прямо в глаза. – Слушай внимательно: мне плевать на твои Игры. Дай мне пройти. Прямо сейчас. Иначе я устрою такой скандал, что охрана прибежит и выведет тебя.

Я попыталась оттолкнуть его в грудь. И почти взвизгнула от неожиданности. Было ощущение, что я пытаюсь сдвинуть с места железобетонную колонну. Он даже не качнулся.

– Какая ты шумная, Анна. – он выделил моё имя так, будто пробовал его на вкус. – И такая суетливая. Куда ты так

торопишься? К морю? К песочку?

– Провалиться мне на месте, если я сейчас не... – я замахнулась, чтобы ткнуть его локтем, но он просто указал взглядом мне за спину.

– Оглянись, Анна.

Я замерла, медленно поворачивая голову. Холод заполнил вены. Аэропорт застыл.

Мужчина в паре метров от нас замер с протянутым билетом. Ребенок, споткнувшийся на бегу, завис в воздухе под неестественным углом. Воздух стал густым, как сироп. Тишина стала абсолютной. Мертвой.

– Так куда, ты говоришь, ты опаздываешь? – Дэн подошел вплотную.

Он наклонился, обдавая моё лицо жаром. От него пахло дорогой кожей и грозовым фронтом. Его взгляд скользнул по моим губам, и я почувствовала, как по телу пробежала жаркая волна, в то же время нить между нами загорела голубым пламенем. *Господи, я же его ненавижу! Почему моё тело ведет себя так, будто я на свидании?*

– Тебе ведь нравится... – вкрадчиво заметил он, и я поняла, что уши у него так же хороши, как и наглость. – Твой пульс выбивает чечетку.

– Это от бешенства! – прошипела я, стараясь не смотреть в его темные, дьявольские глаза. – Псих! Извращенец и псих!

– Именно так. – его улыбка стала шире.

Он издевательски согнул локоть, предлагая взять его под

руку. Я лишь показательно фыркнула и отвернулась, скрепив руки на груди. В ответ раздался тихий смешок.

Дэн щелкнул пальцами.

За долю секунды пространство вокруг нас смялось. Вместо терминала – шумный центр города, терраса кафе. Солнце ударило по глазам.

– Стамбул? Что?! – я уставилась сначала на вывеску, указывающую на название города, а затем на Дэна, который уже сидел за столиком, по-хозяйски развалившись в кресле. – Мой самолет летел в Сочи! Ты... ты сорвал мне отпуск, урод!

Дэн вальяжно махнул официанту, игнорируя мою ярость.

– В Сочи сейчас дожди. – бросил он, прищурившись. – А здесь у нас есть двенадцать часов спокойствия, пока не придут остальные Игроки. Сядь, Анна. Твой гнев меня забавляет, но он не поможет тебе выжить в следующие три месяца.

Я стояла над ним, тяжело дыша. Мне хотелось перевернуть этот стол ему на колени, но кольцо на пальце вдруг слабо пульсировало током, напоминая о связи.

– И что дальше? – я со стуком отодвинула стул и села напротив, смерив его самым презрительным взглядом, на который была способна. – Будешь кормить меня завтраками, пока кто-то из твоих напудренных дружков не решит вырезать мне сердце за это кольцо?

Дэн подался вперед, опираясь локтями на стол. В его глазах вспыхнул опасный огонек, а нахальная улыбка на миг исчезла, сменившись чем-то более темным.

– Вырезать – это слишком просто... – его голос стал тише. – Они будут пытаться обмануть тебя, сломать или купить. Но самое забавное... – он протянул руку и коснулся тыльной стороны моей ладони. Кожа мгновенно отозвалась жаром. – Большинство из них не чувствуют того, что чувствую я.

– И что же ты чувствуешь? – я попыталась вырвать руку, но он держал крепко, продолжая сверлить меня взглядом.

– То, как ты дрожишь, хотя пытаешься казаться льдом. – он усмехнулся, возвращая свою маску самодовольства. – Твой страх вкусный, Анна. Но твоё желание... оно пахнет гораздо лучше.

Я вспыхнула до корней волос и всё-таки выдернула руку.

– У тебя галлюцинации. Единственное, чего я желаю – чтобы ты провалился в свою преисподнюю.

– Не лги тому, кто держит тебя за Нить. – он откинулся назад и подмигнул. – Это делает игру только интереснее. Кстати, закажи что-нибудь. Смертникам полагается последний вкусный обед.

Я схватила меню, готовая швырнуть его в этого самовлюбленного демона. Но где-то в глубине души, за плотной завесой ярости, предательски шевельнулось любопытство: на что еще способен этот парень в джинсах, который превратит мою жизнь в кровавый аттракцион?

Глава 4

Закат в Стамбуле был вызывающе красивым и пугающим – небо над Босфором окрасилось в цвет спелого граната, переходящего в густую венозную кровь. Мы находились в люксе «Pera Palace», где стены были обтянуты тяжелым шелком, а воздух пах дорогим табаком и древней пылью. Но мне было не до истории.

– Ты шутишь. Скажи, что ты сейчас просто очень несмешно пошутил. – я стояла посреди номера, и мои пальцы подрагивали, когда я указывала на кровать.

Там, на смятых простынях, лежал ворох угольно-черной ткани. Платье. Если, конечно, этим словом можно было назвать кусок шёлка, который держался на одних честных словах и шнуровке.

– Анна, я похож на того, кто тратит время на юмор? – Дэн стоял у высокого зеркала в золоченой раме, лениво застегивая манжеты на новой рубашке. Белая ткань ослепительно контрастировала с его загорелой кожей и темными волосами. – Это Бал Сопряжения. Вся наша благородная гниль соберется в одном зале, чтобы оценить товар. Снять пробу. Посмотреть, за кого стоит убивать. И, конечно, сделать ставки.

– Товар? Мясо? – я почувствовала, как в горле встал колючий ком. – Ты притащил меня сюда, чтобы на меня ставили ставки, как на племенную кобылу?

Дэн обернулся. Его взгляд – тяжелый, липкий, почти физически ощутимый – прошелся по моей фигуре, задерживаясь на моих сжатых до белизны кулаках.

– Ставят не деньги, Анна. В нашем мире валюта – это Сила. Первозданная, темная мощь. Половина тех, кто будет там сегодня – просто зрители. Они сливают частицы своей сути, надеясь на выигрыш. Победитель Игр заберет всё. Я стану сильнее любого из них, а ты... – он сделал шаг ко мне, бесшумный, как хищник на охоте. – Ты выживешь. Если прямо сейчас наденешь это платье и покажешь им, что ты – достаточно ценный экспонат, чтобы никто не рискнул притронуться к тебе раньше времени.

Он кивнул на кровать. Шнуровка на спине платья явно не предполагала наличия под ним белья. Вообще никакого.

– Я не надену это... недоразумение. – я вздернула подбородок, изо всех сил стараясь, чтобы мой голос не сорвался на девчоночий писк. – Хочешь ценный лот? Мог бы выбрать кого-то более покладистого. Ту блондинку с кляпом, например. Она смотрела на тебя, как на спасителя.

Дэн усмехнулся. Он сократил расстояние между нами в один короткий, стремительный шаг. От него исходил жар, который кружил голову, заставляя внутренности сжиматься в тугий узел.

– Мне не нужны те, кто смотрит на меня как на спасителя. – прошептал он, протягивая руку и касаясь кончиками пальцев моей шеи. Я вздрогнула, по телу пробежал элек-

трический разряд. – Мне нужна ты. Твоя ярость так сладко пульсирует под кожей, Анна. Она заставляет тебя светиться в этой серой толпе кукол. – Его пальцы скользнули к моим волосам, наматывая прядь на палец. – Или мне самому тебя раздеть? Поверь, я справлюсь быстрее, чем ты успеешь произнести свое любимое слово «урод».

– Только тронь меня, и я выцарапаю твои красивые зенки. – прошипела я. Дыхание стало неглубоким и рваным. Я ненавидела то, как мои зрачки расширились при его приближении. – Ты наглый, самовлюбленный индюк. Думаешь, раз надел чистую рубашку и побрызгался парфюмом, то стал меньше вонять серой?

– О, я гораздо хуже, чем ты можешь вообразить. – он наклонился к самому моему уху, обжигая мочку горячим дыханием. – И тебе это чертовски нравится. Я чувствую, как твоё тело откликается на меня. Ты можешь плевать ядом сколько угодно, но твоя кожа кричит об обратном. Хотя признаю, нить тоже играет в этом свою роль.

– Это отвращение! – я с силой толкнула его в грудь, но он перехватил мои запястья одной рукой, легко прижимая их к моей талии.

Мы оказались так близко, что я чувствовала жесткую ткань его джинсов и бешеное биение собственного сердца.

– Ложь. – выдохнул он прямо мне в губы, его глаза потемнели, становясь почти черными. – Но продолжай в том же духе. Лгуны – это мой любимый сорт женщин. У тебя пят-

надцать минут, Анна. Либо ты выходишь отсюда королевой, либо я выношу тебя на плече в чем мать родила.

Он резко отпустил меня. Я покачнулась, жадно хватая ртом воздух. Дэн отошел к балкону, достал зажигалку и закурил. Пламя на миг осветило его хищный профиль.

– Почему джинсы? – спросила я, подходя к кровати и со злостью хватая шелк. Я начала возиться со шнуровкой, чувствуя себя максимально неуклюжей. – Все остальные Высшие в том зале выглядели так, будто ограбили костюмерную оперы. А ты... как будто только что из клуба вышел.

Дэн выпустил струю дыма в вечернее небо Стамбула, не оборачиваясь.

– Потому что мне не нужно доказывать своё величие бархатными штанами и кружевами. Пусть они прячутся за титулами, которые давно прогнили. Я – Даниэль. Мне достаточно просто быть. И я хочу, чтобы эти снобы видели: я забрал себе ту, кто не вписывается в их идеальный мертвый мир. Считаю мой внешний вид средним пальцем всей их иерархии. И мне плевать, что на балу будет вся наша высшая знать. Высшие – просто кучка слабаков, по сравнению с тем, кем я стану после победы.

– Ты просто панк-переросток со слишком большим самомнением. – фыркнула я, борясь с непослушными завязками на спине, которые никак не хотели затягиваться. – Помоги... маньяк ты самовлюбленный. Сама не дотянусь.

Дэн обернулся, его глаза странно блеснули в полумраке

комнаты. Он медленно направился ко мне. Его шаги были тяжелыми, уверенными. Когда его холодные ладони коснулись моей абсолютно голой поясницы, я не смогла подавить резкий, судорожный вдох. Он затягивал тонкие шелковые шнуры медленно, нарочито задевая подушечками пальцев позвоночник. Я видела в зеркале его торжествующее лицо – он наслаждался моей дрожью.

– Дыши, Анна. – прошептал он, затягивая последний узел у меня на бедрах так туго, что платье впилося в кожу, подчеркивая каждый изгиб. – Вечером на балу тебе понадобится много кислорода. Чтобы не упасть в обморок, когда увидишь реальные ставки на свою голову.

– Я не доставлю им такого удовольствия. – я резко развернулась, оказавшись в тесном кольце его рук. Между нами было не больше пары сантиметров, и я чувствовала, как кольцо на пальце начинает вибрировать от близости Нити. – И тебе тоже.

– Посмотрим. – он прищурился, и его рука скользнула по моему бедру – наглый, собственнический жест, от которого по коже пробежали мурашки. – На балу ты не отходишь от меня ни на шаг. Километр? Забудь. Сегодня твой радиус – десять сантиметров. Иначе тебя сожрут прежде, чем объявят первый танец. И поверь, «сожрут» – это не метафора.

Глава 5

Бал проходил в старинном палаццо на самом берегу Босфора. Снаружи здание казалось заброшенным скелетом, поросшим плющом, но внутри пространство изгибалось, подчиняясь воле хозяев. Огромный зал был залит холодным, почти неземным серебристым светом сотен левитирующих свечей. Их воск застывал в воздухе причудливыми кристаллами, не долетая до пола. Стены, задрапированные в глухой черный бархат, поглощали звуки, превращая голоса гостей в неразборчивый шелест змей в сухой траве.

Атмосфера была пропитана изысканным, дорогим ядом. Вышние скользили по зеркальному паркету, как хищные призраки. Женщины в корсетах из выбеленной кости и кружевах, напоминающих паутину; мужчины в тяжелых камзолах, расшитых драгоценными камнями, которые пульсировали тусклым светом, словно внутри них бились крошечные сердца.

Когда мы вошли, шепот на мгновение замер – тяжелый, обрывающийся звук, – а затем возобновился с новой силой, став острее и злее.

– Улыбайся, Анна. – прошептал Дэн мне на ухо.

Его ладонь на моей талии ощущалась как раскаленное клеймо. Он прижал меня к себе так плотно, что я чувствовала ритмичное биение его сердца.

– Они смотрят на твою шею и прикидывают, не совершил ли я ошибку, оставив тебе так много вольного воздуха.

– Улыбаться? Я скорее плюну в лицо тому блондину в лосинах, который пялится на мой разрез, – я едва шевелила губами, стараясь не выдать своей паники. – Почему здесь так пахнет... озоном и гнилью?

– Это запах их «чистокровности». – Дэн окинул зал пренебрежительным взглядом. Его простые джинсы и белая рубашка среди этого парчового безумия выглядели как пощечина. – Они веками дышат друг другом, вот и застоялись. Но смотри, как они поджимают губы. Они ненавидят то, что я привел сюда живую девчонку и не надел на неё намордник.

Откровенная, породистая ненависть здесь заменяла парфюм. Одна из дам, чья кожа была настолько бледной, что сквозь неё просвечивали синеватые вены, величественно проплыла мимо. Её кроваво-красный подол едва не задел мои туфли.

– Даниэль... – её голос прозвучал как скрип сухого льда по стеклу. – Как всегда... выбиваетесь из общей гармонии. Вы решили, что для открытия сезона достаточно сменить футболку на рубашку? Какая трогательная попытка сойти за приличного демона.

– Графиня... – Дэн склонил голову в издевательском поклоне, и его улыбка стала опасно-наглой. – Я просто подумал, что на фоне ваших антикварных кружев кто-то должен олицетворять этот век. А что касается моего вида... я ведь

пришел побеждать, а не участвовать в конкурсе на лучший похоронный костюм.

– Победа требует достоинства. – бросила она, скользнув по мне пренебрежительным взглядом, от которого захотелось прикрыться руками. – Ваша... пешка. Она слишком громко дышит. Это раздражает слух почтенной публики.

– Это называется «жизнь», графиня. – Дэн придвинул меня еще ближе, так что я ощутила его бедро своей кожей. – Вам этого не понять, вы ведь забыли, каково это, еще до того, как построили этот собор.

Когда она отошла, я почувствовала, как по моей спине пробежала судорога. Кольцо на пальце слабо вибрировало, передавая мне злой азарт Даниэля.

– Перестань. – прошипела я, пытаюсь хотя бы на миллиметр отстраниться от него. – Ты ведешь себя как законченный мерзавец. Зачем ты их дразнишь? Они же нас живьем закопают.

– А ты перестань так сильно желать, чтобы я затащил тебя в ближайшую нишу за этими шторами прямо сейчас, – Дэн насмешливо прищурился, заглядывая мне в самые зрачки. – Твое тело выдает тебя, Анна. Ты можешь сколько угодно морщить носик, но твой пульс участился не от страха. Тебя заводит то, как я вытираю об них ноги.

– У тебя мания величия! – я вспыхнула, чувствуя, как жар приливает к лицу. – Твоя способность «чувствовать» явно сломалась. Это обычный шок!

– Называй это как хочешь. – он обернулся к подошедшему высокому демону в парчовом колете. – Барон, вы всё еще не в склепе? Я слышал, после прошлого раза вы решили уйти на покой.

– Даниэль, ваше остроумие так же примитивно, как и ваш гардероб. – сухо ответил барон, демонстративно игнорируя Дэна и не сводя пожирающего взгляда с меня. – Ваша Анна... Говорят, на её строптивость коэффициенты растут каждую секунду. Слишком уж много в ней... излишнего огня.

– Она бесценна, барон. – рука Дэна скользнула по моей лопатке вверх, пальцы зарылись в волосы на моем затылке в властном жесте. – И я не советую ставить против неё. Вы ведь знаете, что я делаю с теми, кто пытается перекупить моих женщин.

– Ваши женщины редко доживают до финала. – парировал барон с тонкой, как лезвие, улыбкой. – Но признаю, экстерьер у этой весьма... интригующий. Хотя шелк едва ли скроет вкус дешевой свободы.

– Свобода – самое дорогое, что здесь есть. – Дэн подался вперед, и барон невольно отступил на полшага. – Хотите проверить реальность ставки, или продолжим этот словесный онанизм?

Дэн повел меня дальше, вглубь зала, где над головами участников начали вспыхивать магические цифры – ставки. Моё имя горело багровым пламенем в воздухе, и цифры ря-

дом с ним заставляли сердце заходиться в бешеном ритме.

– Дэн... – я вцепилась в его плечо, когда мы оказались в тени колонн, подальше от жадных глаз. – Ты чувствуешь это? Воздух буквально заряжен их яростью.

– Они ненавидят меня за силу, а тебя – за то, что я выбрал тебя, а не одну из их фарфоровых кукол. – он прижал меня спиной к холодной каменной колонне. Его глаза превратились в две бездны, в которых плескалось торжество. – Но больше всего их бесит, что ты не дрожишь перед ними.

– Я дрожу. – шепнула я, хотя мои ладони сами собой скользнули по его груди, сминая белую ткань рубашки. – Но, кажется, ты прав. Не от них.

– Умница. – он наклонился, почти касаясь моих губ, и я кожей почувствовала его жар. – В финале мы заберем у них столько силы, что им понадобятся века на восстановление. А теперь... – он обвел взглядом зал, где гости застыли в немом, надменном осуждении. – Сделай глубокий вдох, Анна. И позволь своему желанию гореть ярче. Пусть эти мертвецы подавятся твоей жизнью.

Глава 6

Музыка сменилась внезапно. Вместо вкрадчивого шепота скрипок зал наполнил низкий, вибрирующий гул виолончелей – звуки были такими глубокими, что они отдавались дрожью где-то в солнечном сплетении, напоминая рычание зверя, затаившегося в темноте. Это не был вальс. Это был ритуал подчинения.

Дэн потянул меня в круг, не спрашивая согласия. Его рука, лежащая на моей талии, переместилась преступно низко, по-хозяйски очерчивая изгиб бедра через тонкий, податливый шелк платья. Я кожей почувствовала, как по залу пролетел синхронный вздох возмущения, тут же спрятанный за раскрытыми веерами.

– Посмотри на них, Анна. – прошептал он, увлекая меня в танец.

Он не танцевал по правилам этого чопорного мира. Его движения были рваными, хищными. Он заставлял меня прогибаться в спине так низко, что мои волосы почти касались зеркального паркета, и в эти секунды я полностью зависела от силы его рук. Моё черное платье шуршало о его плотные джинсы – грубое и нежное, современное и вечное, жизнь и древний готический морок в одном безумном вихре.

– Видишь ту блондинку у третьей колонны? – он едва заметно кивнул в сторону девушки в розовом сарафане, кото-

рую я запомнила еще в аэропорту.

Она стояла как мраморное изваяние, глядя в одну точку на полу. Рядом с ней возвышался массивный демон в золоченом камзоле с воротником-жабо. Одной рукой он небрежно держал бокал с чем-то густым и черным, а пальцы другой руки были намертво вплетены в её светлую косу у самого затылка. Она не шевелилась, даже когда он резко дергал её голову назад, демонстрируя собеседникам профиль своей «добычи». Она не была партнером. Она была аксессуаром – дорогим, побитым, лишенным воли.

– Я хочу подойти к ней... – выдохнула я, когда Дэн крутанул меня и снова намертво прижал к своей груди. – Ей страшно. Я должна хотя бы...

– Забудь. – отрезал он, и его глаза на миг всплыли багровым огнем из самой глубины зрачков. – Пешки не разговаривают между собой. В этом зале вы – собственность, выставленная на витрину. Посмотри на нити, Анна. Ты всё поймешь.

Я опустила взгляд. В призрачном свете свечей стали видны «поводки». От каждого человека к его Высшему тянулась нить. У кого-то она была короткой, как струна, впиваясь в запястье и заставляя стоять вплотную; у кого-то она обвивалась вокруг шеи мерцающей удавкой. Моя огненная нить была длиннее – Дэн давал мне пространство, позволял дышать, но всё равно держал меня так, будто я была единственным якорем, удерживающим его в этом зале.

– Это... это за гранью. – прошипела я, чувствуя, как к горлу подкатывает желчная тошнота. – Ты видишь, как они смотрят? Как на скот!

– Самое ценное мясо всегда вызывает аппетит. – Дэн при-тянул меня за затылок, заставляя смотреть ему в лицо. – Хочешь проверить? Попробуй сделать к ней шаг. Посмотри, что будет.

Я дождалась момента, когда в танце мы оказались ближе всего к колонне, где стояла блондинка. Резко дернувшись, я сделала вид, что оступилась, и попыталась рвануться к ней. Но не успела я сделать и полушага, как кольцо на пальце вдруг стало ледяным. Резкая, колющая боль прошла руку до самого плеча, и я замерла на месте, стиснув зубы.

– Ты чувствуешь? – Дэн мгновенно оказался за моей спиной, обнимая меня за плечи так нежно со стороны, но так крепко по сути. – Это не я, Анна. Это Кодекс. Пешка обязана следовать за хозяином. Любая попытка объединиться расценивается Системой как бунт. И она тебя раздавит раньше, чем я успею вмешаться.

За нашими спинами зашуршали ядовитые, сухие голоса гостей:

– Посмотрите, какая невоспитанная девка... Пытается сорваться с крючка прямо на балу.

– Даниэль совсем лишился рассудка. Его методы воспитания так же примитивны, как и его одежда. Зверя нужно ломать в первый час, иначе он решит, что клетка откры-

та.

– Этот танец... Боги, как непристойно. Чистое, первобытное возжеление. Они пахнут сексом и бунтом на весь зал.

– Слышишь их яд? – Дэн прикусил мочку моего уха, и по моему телу прошла судорога, которую я не смогла скрыть. – Они называют нас непристойными, потому что сами давно прогнили изнутри. Они мечтают ощутить хотя бы тень того жара, который исходит от тебя. В тебе больше жизни, чем во всех этих вековых скелетах в кружевах.

– Не обольщайся. – я развернулась в его руках, упираясь ладонями в его грудь. Между нами было столько статического электричества, что, казалось, коснись нас кто-то третий – и его испепелит. – Я ненавижу тебя так же сильно, как и их. Просто ты единственный, кто пока не надел на меня ошейник.

– Я предпочитаю другие способы связывать людей. – он усмехнулся и внезапно взял мою руку, целуя кончики пальцев прямо над кольцом. – Наслаждайся их ненавистью, Анна. Она – лучшее признание твоей ценности. Видишь цифры над нами?

Я подняла голову. В воздухе, под самыми сводами, багровым магическим пламенем пульсировали ставки. Моё имя светилось ослепительно ярко, и цифры рядом с ним увеличивались с каждой секундой.

– Из-за твоей строптивости они готовы слить половину

своего могущества, лишь бы увидеть, как тебя сломают в Игре. – Дэн прищурился. – Они ставят на твою смерть или на твоё безумие.

– Значит, я заставлю их всех разориться. – я выпрямилась, чувствуя, как внутри страх окончательно вытесняется холодным, чистым упрямством.

– Именно ради этого я и выбрал тебя. – Дэн снова увлек меня в танец, на этот раз подчеркнуто близкий, игнорируя разъяренный шепот знати. – Пей это вино, слушай эту музыку. Сегодня им спокойно. Но завтра на рассвете стены этого палаццо исчезнут, и мы окажемся в Лабиринте. Там не будет кружев, Анна. Только зубы и когти.

Глава 7

Рассвет над Стамбулом не пришел тихим пробуждением – он ударил по глазам, как вспышка магния. В ту секунду, когда первый луч солнца коснулся золотых шпилей мечетей, реальность вокруг нас пошла рябью.

Изысканный звук скрипок превратился в скрежет ржавого металла. Бокалы из тончайшего хрусталя в руках гостей осыпались серой пылью, а левитирующие свечи разом выдохнули едкий, черный дым. Я почувствовала, как роскошный паркет под моими ногами из зеркально-гладкого становится рыхлым и холодным. Бархатные стены палаццо таяли, словно смываемая ливнем акварель, обнажая кости совсем другого мира.

– Началось. – голос Дэна прозвучал надтреснуто и жестко. Всё его нахальство, вся развязная вальяжность слетели, как шелуха. Теперь рядом со мной стоял не парень из клуба, а хищник, почуявший запах крови.

Земля ушла из-под ног. Резкий толчок в живот, тошнотворный кувырок пространства – и мы больше не были в зале.

Мои туфли на шпильках с противным чавканьем погрузились в скользкую жижу, перемешанную с мусором. Я едва удержалась на ногах, мертвой хваткой вцепившись в плечо Даниэля. Мы стояли в узком, извилистом переулке, где об-

шарпанные стены домов сходились так тесно, что небо сверху казалось лишь тонкой, окровавленной рассветом полоской. Это всё еще был Стамбул, но его изнанка – трущобы, пахнущие кошачьей мочой, гнилыми фруктами и застарелым страхом.

– Где мы? Где остальные? – я оглядывалась, пытаюсь унять колотящееся в самом горле сердце. Черный шелк моего платья с вызывающим разрезом выглядел здесь не просто нелепо – он выглядел как мишень.

– В первой зоне Лабиринта. С этого момента город – это карта, а мы – дичь. – Дэн быстро проверял кольцо на пальце, которое теперь пульсировало холодным, электрическим синим светом. – Остальных разбросало по таким же крысиным дырам. Задача проста: найти первую метку и не дать себя выпотрошить.

Я посмотрела на свою руку. Огненная нить, на балу казавшаяся изящным украшением, вдруг натянулась. Она больше не текла лениво – она вибрировала под кожей, причиняя тупую боль, и отчетливо тянула меня куда-то в темноту, вглубь лабиринта домов.

– Дэн, она... она тянет меня. Будто на крючке... – прошептала я, чувствуя, как паника ледяными когтями сжимает легкие.

– Это не она тебя тянет, Анна. – он резко, почти грубо дернул меня на себя, прижимая спиной к шершавой, осыпающейся стене и закрывая своим телом. Его дыхание было

горячим, а глаза – абсолютно черными. – Это на нас уже навели прицел. Замри.

С крыши соседнего дома, едва не задев бельевые веревки, сорвался грузный черный силуэт. Это не был монстр или демон. Это был человек. Тот самый офисный клерк с бала, который еще пару часов назад дрожащими руками держал бокал шампанского. Но теперь его невозможно было узнать. Кожа приобрела землистый оттенок, вены на шее вздулись, а зрачки затопили всё глазное яблоко. В его руке тускло блеснул короткий, зазубренный кухонный нож.

Он двигался неестественно, дергано, словно марионетка, которой обрывают нити.

– Пожалуйста... помогите... мне... – прохрипел он, но его тело жило своей жизнью. Он замахнулся ножом, целясь мне прямо в шею.

Я онемела. Перед глазами всё поплыло. Этот парень – он же был таким же, как я! С застрявшим в горле криком я зажмурилась, ожидая удара сталью, но вместо этого услышала тошнотворный хруст и короткий, захлебывающийся вскрик.

Когда я открыла глаза, Дэн держал клерка за горло одной рукой, приподняв над землей. Лицо моего демона превратилось в застывшую маску ледяной ярости.

– Дешевый ход, барон. – бросил Дэн в пустоту переулка, явно обращаясь к хозяину этой несчастной марионетки. – Твой раб слишком много скулит.

– Дэн, отпусти его! Он же не понимает, что делает! – я

вцепилась в локоть Даниэля, пытаюсь разжать его стальные пальцы. – Посмотри на него, он же человек!

– В этой Игре человека нет, Анна. Есть только ресурс и трофей. – Дэн с силой отшвырнул парня в кучу старых ящиков. Тот упал, не подавая признаков жизни. – Его Высший где-то за стеной. Он не имеет права атаковать меня лично в первой зоне, но он будет бросать на тебя своих собак одну за другой, пока не вымотает.

– И ты будешь просто смотреть?! – я сорвалась на крик, чувствуя, как адреналин сжигает остатки страха, превращая их в горькую, жгучую ярость. – Это твой план? Посмотреть, как меня разделают ради твоей Силы?!

Дэн медленно обернулся. В его взгляде не было ни капли жалости, но появилось что-то новое – жадное, темное уважение. Он шагнул ко мне, игнорируя стоны парня в грязи, и схватил меня за лицо, заставляя смотреть прямо в бездну своих глаз.

– Слушай меня, Анна. Здесь нет отпуска. Нет Сочи. Нет правил приличия. Есть я – твоя единственная гарантия того, что к закату твоё тело не окажется в мусорном баке. Но я не буду твоим телохранителем. Я буду твоим Господином.

Он дернул меня к себе так сильно, что я почувствовала жар его кожи через рубашку.

– Хочешь дожить до обеда? Разорви этот чертов подол, убери шпильки и начни кусаться. Потому что на твоё сердце уже поставили ставку. И Барон придет за ним лично, как

только мы выйдем на открытое место.

Я посмотрела на его протянутую ладонь, на безвольное тело клерка в помоях и на серебряное кольцо, которое теперь жгло палец, как уголь. Моя рука дрожала, но я сорвала с себя туфли, бросая их в жижу, и с треском разодрала шёлк платья до середины бедра, чтобы было удобнее бежать.

– Веди, Дэн. – я вложила свою ладонь в его, чувствуя, как под кожей закипает незнакомое, первобытное упрямство. – Но если мы выберемся, я сама надену на тебя кляп.

Дэн коротко, опасно рассмеялся, сжимая мои пальцы до боли.

– Ловлю на слове, куколка. Идем. На Гранд-Базаре сегодня будет весело.

Глава 8

– Обувь была твоей единственной защитой, Анна. Теперь твоя защита – тишина. – Дэн не шел, он скользил по битому стеклу и ржавым листам железа с пугающей бесшумностью.

– Дэн, что это за место? – прошептала я, когда мы замерли в тени обвалившейся арки. – Это не тот Стамбул. Звуки города... они словно за глухой стеной.

Он обернулся, его глаза в полумраке светились едва уловимым пепельным светом.

– Это Изнанка, Анна. Слой реальности, который мы, Высшие, соткали из ваших кошмаров и своих амбиций. Обычные люди ходят по тем же улицам, пьют тот же кофе в пяти метрах от нас, но они никогда не увидят эту грязь. Для них мы – лишь внезапный порыв холодного ветра или тень, мелькнувшая в подворотне. Изнанка – это изнанка бытия, где законы физики уступают место законам Кодекса. Здесь всё правдивее: если в мире людей стена старая, здесь она рассыпается в прах от одного взгляда. Если человек внутри гнилой – здесь он выглядит как разложившийся труп.

Путь сквозь изнанку Стамбула напоминал лихорадочный бред. Город, который я знала по открыткам, вывернулся наизнанку, обнажив гнилое, магическое нутро. Мы не просто шли по улицам – мы просачивались сквозь них, как тлеющие искры сквозь пепел.

Я следовала за ним, чувствуя босыми ступнями каждую трещину в древнем камне. Холодная утренняя роса мешалась с мазутом и гарью, пачкая ноги, а разорванный подол черного платья хлестал по бедрам, как плеть. Страх, который на балу казался парализующим, здесь, в тесных переулках, превратился в обостренное до боли восприятие. Я слышала всё: как капает вода из проржавевших труб, как скребутся крысы за гнилыми дверями и как тяжело, с присвистом, бьется моё точно обезумевшее сердце.

Он сделал знак молчать и потянул меня вверх по пожарной лестнице. Железо под руками было ледяным и скользким. Дэн несколько раз подтягивал меня вверх, и каждый раз его руки задерживались на моей талии чуть дольше необходимого. Его пальцы были горячими, почти обжигающими на фоне промозглого воздуха этой другой реальности.

– Смотри туда. – Дэн прижал меня к себе, когда мы выбрались на плоскую крышу одного из жилых домов.

Я глянула вниз и едва не вскрикнула, вовремя зажав рот ладонью. Внизу, на небольшой площади у закрытой мечети, разворачивалась бойня. Я увидела ту самую девушку в розовом сарафане. Её хозяин, огромный демон в золоченом камзоле, стоял на ступенях, скрестив руки на груди. Он не вмешивался. Он просто наблюдал, как его пешка, обливаясь слезами и захлебываясь криком, отчаянно отбивается обломком кости от двоих людей в порванной офисной одежде.

Это было похоже на гладиаторские бои, лишённые всякого благородства. В воздухе над площадью висели магические сферы, транслирующие это безумие кому-то невидимому.

– Почему он не поможет ей? – мой голос сорвался на всхлип. – Он же сильнее их всех вместе взятых!

– Потому что это состязание пешек. – Дэн даже не посмотрел в сторону площади, его взгляд сканировал горизонт. – Если он вмешается сейчас, ставка на него сгорит. В Изнанке всё имеет свою цену. Он ждет, пока она либо убьёт их, либо умрет сама, чтобы он мог забрать кольца проигравших с их трупов. В этом мире жалость – это дефект, Анна. Не смотри. Идем.

– Ты такой же? – я заставила его обернуться, вцепившись в его рубашку. Мои пальцы дрожали, а в глазах стояли слезы ярости. – Если на меня нападут, ты тоже будешь стоять и ждать, пока мне перережут горло, чтобы проверить коэффициент ставки?!

Дэн замер. Его лицо оказалось в сантиметрах от моего. Я видела каждый сосуд в его застывших глазах. Он медленно протянул руку и стер грязь с моей щеки, его жест был почти нежным, но взгляд оставался беспощадным.

– Я не «такой же», Анна. Я хуже. Те двое внизу – просто падальщики Изнанки. Но если я вмешаюсь, сюда придут те, кто сильнее меня. И тогда твои шансы станут равны нулю. Я учу тебя выживать в этом дерьме, а не прятаться за моей спиной. Поняла?

– Поняла. – выплюнула я, отталкивая его руку. – Ты просто трус, прикрывающийся правилами.

Он не ответил, лишь усмехнулся – так нагло и остро, что мне захотелось толкнуть его с этой крыши прямо в бездну переулка.

Мы двинулись дальше, перепрыгивая через провалы между домами. Моё тело ныло, мышцы горели, а кольцо на пальце пульсировало в такт шагам, становясь то горячим, то ледяным. Нить вела нас к Гранд-Базару.

Когда мы наконец достигли цели, я замерла, пораженная масштабом безумия. Гранд-Базар в Изнанке превратился в сердце этого мира. Огромные свинцовые купола теперь светились магическим багрянцем, а входы были затянуты зыбким маревом, сквозь которое проступали тени существ.

Стоило нам ступить под своды рынка, как реальность снова выкинула фокус. Тишина Изнанки сменилась оглушительным, многоголосым гулом.

Здесь были сотни созданий. Не только «Высшие» и их рабы. Я видела существ с козлиными ногами в деловых костюмах, женщин с чешуей вместо кожи, торгующих склянками с кристаллизованными слезами, так они представляли свой товар, и огромных тварей, похожих на ожившие сгустки тьмы. Это был рынок не только магических артефактов, но и судеб.

В центре центрального зала, под самым высоким куполом, висело гигантское табло из жидкого золота. На нем в режи-

ме реального времени менялись имена и цифры. Моё имя пульсировало в первой пятерке.

– Ого. – Дэн остановился, глядя на табло, и на его губах появилась его излюбленная самодовольная ухмылка. – Кажется, наш танец вчера произвел фурор. На твою выживаемость поставили больше, чем на фаворитов Барона.

– Это значит, что меня теперь хотят убить все в этом зале? – я прижалась к его плечу, не в силах оторвать взгляд от цифр, которые означали мою жизнь.

– Это значит... – Дэн обхватил меня за талию, притягивая к себе и заставляя почувствовать его силу, – что ты теперь самая дорогая добыча в Стамбуле. И каждый урод здесь ждет, когда я допущу ошибку, чтобы сорвать куш.

В этот момент толпа перед нами расступилась. Из тени лавок, пахнувших благовониями и кровью, вышел Барон. Тот самый, в парчовом колете. Рядом с ним на коленях, на короткой золотой цепи, тащилась та самая девушка в розовом сарафане. Её лицо было в крови, платье превратилось в грязные лохмотья, а взгляд был совершенно пустым. Барон держал в руке два серебряных кольца – трофеи с той площади.

– Даниэль. – проскрежетал Барон, его голос многократно отразился от сводов Базара. – Я вижу, твоя девчонка всё еще чистая. Это ненадолго. Гранд-Базар – нейтральная территория для нас... но не для них. Правила Базара запрещают магию Высших, но не драку пешек.

Он указал на свою рабыню. Девушка, едва услышав его

голос, задрожала всем телом.

– Моя прелесть проголодалась. – Барон улыбнулся, обнажая ряды острых зубов. – И она очень хочет то кольцо, что на пальце у твоей Анны. Хочет выкупить себе право на глоток воды.

– Пусть попробует забрать. – Дэн сделал шаг вперед, почти полностью закрывая меня своей спиной. Его рука легла на рукоять кинжала, материализовавшегося из воздуха. – Только напомни ей, барон: я не люблю, когда трогают мои вещи. Даже если эти вещи думают, что они свободны.

В воздухе над нами ставки внезапно взлетели вверх. Весь Гранд-Базар замер в ожидании: первая кровь на нейтральной территории – это всегда самое зрелищное шоу. Я смотрела на избитую девушку, которая медленно поднималась с колен, выхватывая из рукава заточенный костяной осколок, и понимала: отпуск закончился навсегда.

Глава 9

Под сводами Гранд-Базара повисла такая тишина, что я слышала, как бешено, на грани истерики, гудит кровь в моих висках. Сотни глаз – человеческих, демонических, звериных – впились в нас. Я чувствовала себя лабораторным насекомым под микроскопом, чьи конечности медленно отрывают ради всеобщего интереса.

Мои босые ступни ощущали ледяной камень, липкий от многовековой пыли, а разорванный шелк платья казался прозрачным, почти невесомым барьером между моей кожей и жадными взглядами толпы. Я чувствовала себя обнаженной и беззащитной, но в то же время внутри рождалось что-то темное и острое.

Девушка в розовом сарафане – точнее, в тех грязных лоскутах, что от него остались – сделала шаг вперед. Её движения были дергаными, ломаными, как у сломанной куклы, которую насильно заставляют танцевать. В её руке тускло, почти зловеще подрагивал осколок кости, испачканный в чужой подсохшей крови. Она смотрела на меня, и в её взгляде я видела не ненависть, а смертельную, выжженную дотла усталость и мольбу.

– Анна. – голос Дэна прозвучал у самого моего уха. Холодный, ровный, невероятно уверенный. От его близости по спине пробежал электрический разряд, и мой страх на мгно-

вение отступил перед этим обжигающим жаром. – Не смотри на её раны. Забудь про жалость. Если она заберет твое кольцо, она проживет еще один день в этом аду. Но ты – умрешь прямо здесь, на этой грязной мостовой.

– Я не хочу её убивать! – прошипела я, вцепляясь пальцами в разорванный подол платья. Мои глаза наполнились слезами бессилия.

– Тогда заставь её сдаться. Но помни: Барон не даст ей уйти просто так. Её жизнь для него – пыль. Твоя для меня – всё.

Барон коротко, лающе хохотнул и с силой дернул за золотую цепь, так что девушка вскрикнула.

– Взять её, сука! Рви!

Девушка сорвалась с места с диким, гортанным воплем. Она не умела драться, но в её движениях была ярость загнанного в угол зверя – то самое страшное чувство, когда смерть кажется избавлением. Она полоснула костью в воздухе, едва не задев моё лицо. Я отпрянула, едва не поскользнувшись на влажных камнях, чувствуя, как сердце вылетает из груди.

– Танцуй, Анна! – выкрикнул Дэн. В его голосе не было страха за меня, только азарт и приказ. Я мельком увидела, как он сложил пальцы в странном знаке. – Ты ведь так хорошо делала это вчера! Вспомни ритм!

Я уклонилась от очередного выпада. Костяной осколок прорезал рукав моего платья, оцарапав плечо. Боль обожгла кожу, резкая, как удар хлыста. И это стало спусковым крюч-

ком. Мой страх вдруг выцвел, сменяясь чистым, звенящим адреналином.

– Прости меня... – выдохнула я, почти теряя сознание от напряжения, когда девушка снова бросилась на меня.

Дэн что-то быстро прошептал, и я почувствовала, как кольцо на моем пальце пульсировало в такт моему сердцу. Внезапно мои движения стали неестественно легкими, почти изящными. Когда противница замахнулась для удара сверху, я не просто отступила – я словно знала, куда ляжет её рука. Дэн будто подсвечивал мне её траектории через Нить, направляя моё тело, как идеальный кукловод. Я чувствовала его волю в каждом своем мускуле.

Я нырнула под её дрожащую руку, перехватила запястье и резко вывернула его. Раздался сухой вскрик. Осколок кости со звоном упал на камни.

– Достаточно! – крикнула я, прижимая её руку к спине и чувствуя, как она дрожит всем телом. – Остановись! Умоляю!

Но девушка лишь зарычала, и этот звук не был человеческим. Извернувшись, она ударила меня головой в лицо. В глазах полыхнули багровые искры, рот наполнился привкусом меди. Она повалила меня на землю, всей массой наваливаясь сверху, и вцепилась ногтями в мое горло. Её глаза были абсолютно черными, без белков – Барон накачал её своей силой, выжигая остатки человечности.

– Она тебя не слышит, Анна! – голос Дэна доносился буд-

то сквозь толщу воды. – Он держит её за нить воли! Оборви её! Кольцо! Коснись её кольца своим!

Я боролась за каждый глоток воздуха, чувствуя, как её ногти впиваются в мою кожу. Моё зрение начало сужаться, черные круги поплыли перед глазами. Из последних сил, когда легкие уже горели от нехватки кислорода, я вскинула правую руку и с силой прижала свое огненное кольцо к её серебряному ободку.

Раздался яростный шипящий звук. Яркая вспышка на мгновение ослепила всех. Я почувствовала, как через кольцо Дэна в меня хлынула ледяная, оглушительная волна его силы. Она прошла сквозь меня, как электрический разряд, и ударила в кольцо девушки.

Её выгнуло дугой, тело забилося в конвульсиях. Чернота в глазах лопнула, сменяясь обычным человеческим зрачком, полным первобытного ужаса и осознания. Она обмякла, заваливаясь набок, и начала судорожно глотать воздух. Связь Барона была временно заблокирована – Дэн просто перегрузил её сознание своей энергией.

Я сидела на полу, жадно, со свистом хватая ртом воздух и вытирая кровь с разбитой губы. Девушка лежала рядом, судорожно всхлипывая, её тело содрогалось от рыданий. Она была жива.

– Святотатство! – взревел Барон, делая шаг к нам, его лицо перекошилось от злости. – Ты вмешался, Даниэль! Ты использовал резонанс!

Дэн вальяжно, почти лениво вышел вперед, поигрывая кинжалом, который переливался опасными бликами. Его лицо снова приобрело то самое невыносимо самодовольное выражение, но в глазах всё еще горели искры той силы, что он только что передал мне.

– Вмешался? – он приподнял бровь с видом оскорбленно-го достоинства. – О чем вы, Барон? Моя пешка просто оказалась сильнее духом. Резонанс – это естественный процесс в Изнанке. Или вы хотите обсудить правила в Совете, учитывая, что вы накачали свою девку «яростью» сверх всякой меры?

Он окинул взглядом табло. Мой рейтинг взлетел до небес, цифры пульсировали кроваво-красным. Все видели: Анна не просто выжила, она победила систему.

– Давай, Барон, забирай свою скулящую куклу. – Дэн подошел ко мне и одним рывком поднял на ноги. Он собственнически, почти грубо обхватил меня за талию, прижимая к своему боку, давая мне опору, в которой я так нуждалась. – И запомните все: в следующий раз, когда кто-то захочет проверить её на прочность, я не буду так заботиться о сохранении жизни ваших рабов.

Он наклонился ко мне и прошептал так низко, что я почувствовала вибрацию в его груди:

– Красиво сработано, Анна. Гордость Стамбула. Но в следующий раз падай мягче, ты едва не сорвала мне весь финал своей тягой к обморокам.

– Ненавижу тебя... – выдохнула я, утыкаясь лбом в его плечо. Я была на грани рыданий и истощения, но в глубине души, под слоями боли, бился странный, пугающий триумф.

– Я знаю. – Дэн подмигнул мне, в его взгляде на миг мелькнуло что-то похожее на нежность, скрытую за тоннами наглости. – Идем.– он поигрывал в руке чужим кольцом, видимо снятым с девушки.– Нам нужно отдохнуть и забрать приз за первую кровь, пока Барон не лопнул от злости.

Глава 10

Хлопок пространства – и вместо пряного, пропитанного гарью воздуха Базара в легкие ворвался аромат лемонграсса и дорогих благовоний. Я покачнулась, голова закружилась от резкой смены давления. Под моими босыми, испачканными в крови и дорожной пыли ногами был не холодный камень Стамбула, а мягкий, ворсистый ковер.

Огромный номер люкс встретил нас панорамными окнами в пол, за которыми мерцали огни вечернего города. Тишина после криков Базара казалась физически ощутимой, почти болезненной.

– Избавься от этой ветоши. Душ за той дверью. – Дэн небрежно махнул рукой в сторону массивной створки из матового стекла. – Обед принесут через двадцать минут. Постарайся не утонуть в собственных слезах, у нас плотный график.

Я не удостоила его ответом. Желудок предательски сжался, но я лишь сильнее стиснула зубы. Пройшла мимо него, нарочито задев плечом, и закрыла дверь ванной на защелку. Хотя внутри вибрировала горькая правда: для этого существа замки – лишь формальность.

Ванная комната была размером с мою бывшую квартиру. Огромная мраморная чаша, встроенная в пол, и пар, подни-

мающийся от горячей воды. Сбросив ошметки черного шелка, которые теперь напоминали саван, я буквально рухнула в воду. Кожу обожгло, рана на плече засадила, но эта боль была отрезвляющей.

Только здесь, в облаках пара, я позволила себе то, чего Дэн не давал сделать ни на секунду – я зарыдала. Беззвучно, содрогаясь всем телом. В голове не укладывалось: еще вчера я ждала такси до аэропорта, пахла духами и предвкушала пляж. А теперь на моих руках чужая кровь, во рту привкус металла, а моё тело связано с демоном, для которого я – инвестиция. Я обнимала свои колени, пытаюсь согреться, и уговаривала себя не ломаться. Только не перед ним.

Я грелась почти час, отмывая не столько грязь, сколько ощущение чужих, жадных взглядов на своей коже. Когда я, замотавшись в пушистое махровое полотенце, пыталась собрать мысли в кучу, матовое стекло двери вдруг стало прозрачным и бесшумно отъехало в сторону.

На пороге стоял Дэн. Он даже не потрудился изобразить смущение. Привалился к косяку, рассматривая меня с тем самым выражением невыносимой, торжествующей наглости.

– Ты... ты совсем берега попутал?! – выдохнула я, почти вскрикнув и судорожно перехватывая край полотенца. – Я закрылась!

– Анна, я проходил пространство, ты серьезно думала, что меня остановит защелка в турецком отеле? – он усмехнулся, его взгляд медленно и вызывающе скользнул по моим влаж-

ным ключицам. – К тому же, ты слишком долго там киснешь. Еда остывает, а я, как ты уже заметила, не отличаюсь терпением.

– Выйди немедленно, маньяк самовлюбленный! – я схватила тяжелый стеклянный флакон с лосьоном, готовая запустить его в эту самодовольную физиономию.

– Не трать косметику, она здесь дороже твоего вылета в Сочи. – Дэн лениво оттолкнулся от косяка. – На кровати одежда. Одевайся и выходи. Хватит жалости к себе, она тебе не идет.

Когда я вышла в комнату, на кровати действительно лежали джинсы – плотные, черные, идеально подходящие по размеру, и простая белая майка. Рядом – удобные кроссовки. Я почти физически почувствовала облегчение, натягивая привычную одежду. Никаких платьев и шёлка. В этом я снова была Анной – девушкой, которая может дать сдачи.

В гостиной на столе дымились кебабы, свежие овощи и горячие лепешки. Я набросилась на еду, забыв о манерах. Только сейчас я осознала, что внутри – черная дыра. Дэн сидел напротив, лениво попивая что-то из темного бокала и наблюдая за мной.

– Проголодалась, куколка? – прищурился он. – Бой сжигает не только калории, но и часть души. Чтобы заполнить пустоту, нужно либо жрать, либо убивать, либо трахаться. Первый вариант пока доступнее, но если ты настаиваешь на последнем, я с удовольствием тебе помогу.

Я проглотила кусок и в упор посмотрела на него, игнорируя колкость.

– Рассказывай. Ты обещал правила. Что это вообще за бред, почему я не смогла уйти от тебя в зале?

Дэн отставил бокал. Его лицо стало серьезным, а в глазах на миг проступила та самая первобытная тьма Изнанки.

– Пришло время узнать **Первое правило Кодекса: Об Узле Сопряжения.**

Он протянул руку ладонью вверх, и над столом вспыхнули призрачные строки на латыни.

– Отныне и до истечения срока Нить связует два естества. Высший принимает бремя власти, Человек – бремя покорности. Кольцо на смертной плоти есть печать, коей не сорвать ни сталью, ни мольбой.

Дэн указал на моё кольцо.

– Это значит, Анна, что наши души теперь склеены магическим цементом. Ты не смогла уйти на Балю не потому, что я тебя держал, а потому что Кодекс запрещает Пешке удалиться от Господина. Мы – одно целое в рамках этой Игры. Если я умру – ты обратишься в пепел. Если ты умрешь... – он сделал короткую паузу. – я упаду в бездну, лишившись силы и титула.

– То есть ты защищаешь меня только из страха стать никем? – я горько усмехнулась.

– Я защищаю тебя, потому что ты – моё вложение. – Дэн подался вперед, накрывая мою ладонь своей. Его кожа была

обжигающей. – И потому что мне чертовски нравится, как ты скалишься на правила. Но запомни главное: завтра утром мы идем на «Кровавый отчет».

Я застыла с куском лепешки в руке.

– Что это?

– Подведение итогов первого дня Игры. – Дэн холодно улыбнулся. – Там соберутся все выжившие. Те, у кого на пальце трофей – кольцо противника – переходят в следующий круг. Те, кто просто выжил, прячась в щелях – умирают на месте.

Моё сердце пропустило удар.

– Умирают? Как это... умирают? Прямо там?

– Они исчезают навсегда, Анна. Будто их никогда не было в обоих мирах. У каждого из нас изначально по три кольца жизни. Барон сегодня проиграл – я забрал одно его кольцо, когда ты победила ту девчонку. У них осталось еще два шанса. Если они потеряют всё – они исчезнут.

– Боже... – я закрыла лицо руками. – Это же массовое убийство. Стой, ты же говорил, что мы сразу умираем, если теряем кольцо...

– Не правда, я сказал, что если тебя убьют, то ты умрешь. Про потерю кольца я не говорил. – самодовольная ухмылка стала еще шире.

– Мудак. – выплонула я без злобы, на нее не было сил, да и кебаб был слишком вкусным, что бы портить вкус яростью.

– Это Игра, Анна. И у нас теперь есть фора. Но не рас-

слабляйся: завтра на отчёте все увидят, что ты – цель номер один. Ложись спать. Утром тебе понадобится вся твоя дерзость, чтобы не упасть в обморок от вида пустых кресел.

Глава 11

Темнота спальни обволакивала меня, словно теплая, пахучая волна. Я плыла в этом вязком забытии, чувствуя, как реальность окончательно растворилась, уступая место странному, пугающе яркому наваждению. Мне казалось, что я все еще лежу в той ванне, но вода превратилась в нечто неосознаваемое, плотное и нестерпимо горячее.

А потом по телу скользнули прикосновения.

Это не было похоже на атаку. Сильные, длинные пальцы медленно, с мучительной неспешностью поднимались от моих лодыжек к бедрам. Каждый сантиметр кожи, которого они касались, вспыхивал миллионом искр. Прикосновения были властными, но в них сквозило такое знание моего тела, от которого во рту становилось сухо. Я чувствовала, как грубая ткань простыней трется о соски, ставшие невыносимо чувствительными, и из моей груди вырвался низкий, вибрирующий стон.

Дэн. Я знала, что это он, даже не открывая глаз. Его присутствие ощущалось как электрический заряд перед грозой. Он скользнул выше, его ладони накрыли мои изгибы, и я против воли выгнулась, подставляясь под этот обжигающий ритм. Моя кожа горела, пульсируя в такт Нити, которая теперь казалась натянутой струной где-то внутри живота. Он наклонился, и я почувствовала аромат кожи, дорогого таба-

ка и чего-то дьявольски первобытного. Его губы едва касались моей шеи, вызывая судорожный вздох, а рука скользнула к внутренней стороне бедра, заставляя меня буквально плавиться.

Я задышалась от концентрации этого желания. Оно было густым, как мед, и горьким, как яд. Он был так близко, что я чувствовала жар его тела каждой клеточкой своей плоти. Его губы замерли в миллиметре от моих, я уже чувствовала их вкус, потянулась навстречу этому запретному поцелую, готовая сойти с ума...

– Не сейчас, Анна. Проснись.

Голос прозвучал как удар хлыста. Сухой, издевательский и ледяной.

Я вскрикнула, и мои глаза распахнулись. Сладкий дурман сна сорвался, как декорация в дешевом театре. Вместо обжигающих ласк – серый, безжалостный свет отельного номера и лицо Даниэля в десяти сантиметрах от моего. Он сидел на краю кровати, расслабленно подперев подбородок рукой, и созерцал меня с видом натуралиста, изучающего редкую добычу. На его губах играла та самая, до дрожи самовлюбленная ухмылка.

– А-а-а! – я подпрыгнула на матрасе, едва не врезавшись лбом в его нос, и вжалась в спинку кровати, судорожно натягивая одеяло до самого подбородка. Сердце колотилось о ребра, как пойманная птица. – Ты... ты что здесь делаешь?! Убирайся!

– Наблюдаю за твоим... бурным воображением. – Дэн даже не пошевелился. В его глазах искрилось неприкрытое торжество. – Признаюсь, Анна, ты превзошла мои ожидания. Судя по тому, как ты извивалась и звала меня, Сочи тебе больше не снится. Кстати, стонешь ты весьма... вдохновляюще. Очень искренне.

Я почувствовала, как по лицу, шее и груди разливается густая, удушающая краска стыда. Тело всё ещё помнило его руки, кожа всё ещё горела, а сознание предательски подсовывало картинки из сна, где я была готова на всё ради его касания.

– Ты влез в мою голову! – закричала я, запуская в него первой попавшейся подушкой. Голос сорвался на визг. – Это был ты, мерзавец! Это не просто сон, ты... ты пробрался туда! Это грязно, это подло!

Дэн легко перехватил подушку в воздухе и небрежно отбросил её в сторону. Его взгляд стал острым, как бритва.

– Анна, ну зачем столько драмы? Твоё подсознание – на удивление гостеприимное место. Кодекс дает Господину право проверять состояние Пешки, следить, чтобы она не сломалась под давлением. А я лишь... немного помог тебе расслабиться. Ты сама открыла эту дверь, детка. Твоё тело кричало о желании так громко, что я просто не мог игнорировать этот зов.

– Ты – подонок! Самодовольный, наглый манипулятор! – я вскочила с кровати, путаясь в простынях, едва сдерживая

слезы ярости. – Ты не имел права переходить эту черту! Мои мысли – это всё, что у меня осталось!

– Твои мысли теперь тоже часть моего арсенала. – он медленно поднялся с кровати, возвышаясь надо мной. Его наглость была безграничной, он словно физически заполнял собой всё пространство. – И не лги себе, глядя мне в глаза. Ты не просто видела этот сон – ты упивалась им. Ты просилась ко мне в руки. И если бы я не разбудил тебя в самый интересный момент, ты бы сейчас не кричала, а просила продолжения.

– Никогда! Слышишь? Никогда! – я сжала кулаки так, что кольцо впилося в палец до боли.

– От ненависти до того вздоха, который ты издала минуту назад, всего один дюйм. – он сделал шаг вперед, заставляя меня вжаться в стену. – Мне нравится эта ярость в твоих глазах. Она делает тебя живой. Но у нас нет времени на твои разборки. Рассвет уже за окном, и он требует крови.

Он направился к двери, но у самого выхода обернулся. Его глаза на миг потемнели, становясь почти угольными, глубокими и опасными.

– Приведи себя в порядок через десять минут. Надень те джинсы. В них твоё упрямство выглядит гораздо привлекательнее. И не забудь стереть этот взгляд... хотя нет, оставь. На совете все должны видеть, какая дикая мне досталась пешка.

– Проваливай! – я швырнула ему вслед вторую подушку,

но дверь бесшумно закрылась.

Я рухнула на пол, закрыв лицо руками. Тело всё еще предательски вибрировало, напоминая о каждом движении во сне. Я знала, что Дэн сделал это специально, чтобы сломать мою защиту, чтобы показать свою власть над моим разумом. Но самым страшным было другое: я не могла забыть то чувство полноты и жара, которое ощутила во сне. И я ненавидела себя за то, что это был не просто кошмар.

Глава 12

Ярость помогала не разрыдаться от чувства унижения: я, в своих джинсах, завязываю шнурки у ног демона, пока вокруг нас сгущается тяжелая, пропитанная смертью тишина.

Закончив, я выпрямилась и огляделась. Зал Отчета подавлял. Это не было похоже на вчерашнюю роскошь бала. Голые стены из серого камня уходили в бесконечную высь, а над нашими головами висел гигантский кристалл, пульсирующий мертвенно-бледным, почти трупным светом.

Я невольно пересчитала присутствующих. Вчера нас было десять. Сегодня в строю стояло лишь семеро. Пустота на местах тех троих ощущалась как сквозняк из могилы.

– Где остальные? – прошептала я, и мой голос эхом ударился о камни.

– Исчезли окончательно, Анна. Их стерли. – Дэн стоял рядом, засунув руки в карманы джинсов. В его позе было столько безразличия, что мне захотелось его ударить. – Трое не пережили первую игру. Еще у троих из оставшихся – второй шанс. Это значит, что они выжили, но не добыли трофей. Сегодня они обязаны пролить кровь, иначе на следующем отчете их кресла тоже будут пустыми.

Я подняла взгляд на огромное табло, которое вибрировало в воздухе жидким золотом. 1. Лиза – 400 баллов (2 трофея). 2. Анна – 250 баллов (1 трофей).

Лиза. Та самая девушка, чью волю Барон втаптывал в грязь. Она стояла в десяти метрах от меня, её некогда розовый сарафан превратился в лохмотья, на лице запеклась корка крови, но в глазах горело что-то пугающее – пустая, бездонная решимость. Она была лидером по баллам, но когда я посмотрела на графу «Ставки», у меня перехватило дыхание. Моё имя светилось багровым, а сумма ставок под ним была в три раза выше.

– Почему на меня так много ставят? – выдохнула я.

– Потому что всем интересно, сколько ты продержишься, прежде чем я тебя сломаю. – Дэн усмехнулся. – Или ты – меня.

На возвышение вышел Пингвин. На этот раз он не улыбался – его длинный нос подергивался, а глаза из-под цилиндра внимательно сканировали выживших. Он поправил безупречный фрак и взмахнул рукой.

– Высшие! И их... многообещающий ресурс! – его голос, усиленный акустикой зала, ударил по барабанным перепонкам. – Первая фаза Охоты закрыта. Кровь пролита, ставки приняты. Даниэль из рода Теней, выходите за квотой силы!

Дэн шагнул вперед с такой легкостью, будто шел за чашкой кофе. В тот же миг кристалл над залом вспыхнул ослепительно-фиолетовым. От табло потянулись тонкие, искрящиеся нити чистой энергии, впиваясь в грудь Даниэля. Я видела, как его плечи расправились, как по венам на его руках побежал призрачный свет, а лицо на миг исказилось в экста-

тическом оскале. Онпил силу проигравших, буквально раздуваясь от могущества. Это было красиво и одновременно тошнотворно – смотреть на его триумф, зная, какой ценой он достался. То же самое было и с Бароном.

– А теперь – распределение вознаграждения для пешек, – Пингвин повернулся ко мне. – Анна, за ваш вклад в зрелищность и исключительную выживаемость, вам начислены премиальные от пула ставок.

В кармане завибрировал телефон. Я вытащила его, и экран на мгновение ослепил меня. Уведомление от банка. Сумма на счету была такой, что у меня подкосились ноги. Больше миллиона... и не рублей.

Я посмотрела на Даниэля, который вернулся ко мне, тяжело и горячо дыша – энергия всё ещё бурлила в его жилах.

– Что это за цифры, Дэн? – я ткнула телефоном ему в лицо, голос сорвался на шипение. – Ты хоть понимаешь, что ты сделал? Как я, по-твоему, объясню это налоговой? «Здравствуйте, это мне за убийство человека на демонических играх перевели»? Да меня заблокируют к чертям в первую же минуту за подозрительную транзакцию!

Дэн замер, глядя на экран, а потом... он начал смеяться. Громко, до икоты, запрокидывая голову назад. Его смех отражался от стен, заставляя Пингвина недоуменно хмуриться.

– Налоговая? – выдавил он сквозь хохот. – Анна, ты только что вырвала победу в Изнанке, а тебя беспокоят отчеты

для инспектора? Ты – ходячий анекдот!

– Мне не смешно! – я язвительно прищурилась, чувствуя, как внутри закипает ярость. – В моем мире за такие подарки садят надолго. Ты что, хочешь, чтобы меня загребли за отмывание денег? Что мне сказать банку? «Выиграла в лотерею у нечистой силы»?

– Боги, успокойся, юристка от бога. – Дэн вытер слезу и резко стал серьезным, его глаза снова превратились в две холодные бездны. – Эти деньги отмыты через сотни подставных фондов, которые принадлежат моим структурам в твоём мире. Для твоего банка это страховая выплата по несчастному случаю во время турпоездки. Твой отпуск в Сочи официально признан страховым случаем. Комар носа не подточит. Наслаждайся, ты заработала их каждой каплей своего страха.

Он обернулся к Пингвину, который торжественно вещал: – ...И сегодня вечером, в честь завершения первой охоты, я приглашаю всех на Бал Приветствия Теней!

Дэн резко схватил меня за руку – его ладонь всё ещё была раскаленной от поглощенной силы – и потащил прочь из зала, не дожидаясь финала.

– Мы не пойдем. – бросил он, когда мы вышли в длинный темный коридор.

– О боже, спасибо! – я выдохнула с таким облегчением, что почти прижалась к его плечу. – Неужели вечер без этих напомаженных покойников?

– Терпеть не могу этот цирк. Пингвин обожает лизать са-

поги Совету, выставляя вас как племенной скот. Мне тошно на это смотреть. – Дэн скривился, и в его голосе проскочила настоящая, неприкрытая злоба. И да, ему понравилось мое прозвище для ведущего. – К тому же, Второе Правило Кодекса гласит: *«Тень растет лишь в тишине»*.

– Второе правило? – я остановилась, глядя, как он нервно поправляет воротник рубашки. – Ты обещал рассказывать их по одному. Давай, просвещай свою миллионершу.

Дэн обернулся. Его лицо в полумраке казалось высеченным из камня.

– Второе Правило, Анна: **О Пределе Вмешательства**. Ты выжила, потому что я поделился силой, когда твое кольцо коснулось кольца той девчонки. Но Кодекс суров: завтра начнется второй круг, и если я хотя бы пальцем магически коснусь твоего боя – ставка сгорит, а нас обоих аннулируют. С этого момента ты – сама по себе. Я могу направлять тебя, могу шептать, но бить ты должна своей рукой.

Я нервно сжала телефон в руке, чувствуя, как свежеприобретенное богатство тяжелым грузом тянет карман.

– Значит, завтра я могу просто... не вернуться?

– Завтра ты обязана забрать еще одно кольцо. – Дэн подошел вплотную, заставляя меня снова почувствовать его пугающую власть. – А сейчас – в номер. Тебе нужно набраться сил, пока ты не начала мечтать о заполнении налоговой декларации в моей постели.

– Мечтай. – огрызнулась я, но внутри всё снова сжалось в

тугой узел от того, как он на меня смотрел.

Глава 13

Новый город – новая клетка. Изнанка выплюнула нас в сером, колючем тумане окраин Лондона. Но мы здесь были не ради видов.

– Лабиринт Четырех Стихий. – Дэн стоял рядом со мной у колоссальной бетонной стены, уходящей в небо. Она пахла вековой сыростью и безнадегой. – Самое мерзкое изобретение Совета. Никаких вещей, Анна. Только ты, твоя злость и эти джинсы. По крайней мере, в них удобнее будет тонуть.

Он попытался шутить, но его глаза были холодными и сосредоточенными. Рядом с другими входами – бетонными пастьями – я видела силуэты пешек. Лиза в лохмотьях, парень в шортах. Подопытные крысы.

– Слушай меня. – Дэн схватил меня за плечи. – Я не могу зайти внутрь. Я буду стоять над этим макетом вместе с остальными стервятниками. Я не могу колдовать. Но Нить останется. Я буду тянуть её, когда нужно свернуть, и ослаблять, если путь чист. Это предел моих прав. Твоя цель – флаг в центре. И постарайся не сдохнуть в первой же зоне.

Раздался тяжелый гонг. Входы открылись, и я шагнула в бездну.

Первая зона – **Ураган**. Ветер ударил в грудь, как таран. Воздух здесь не просто двигался, он был твердым. Меня подбросило и швырнуло на бетон. Я ползла, впиваясь ногтями в

неровности пола, пока ветер пытался оторвать меня от земли и размозжить о потолок. Бетонная крошка секла лицо до крови. Вдруг Нить на запястье резко дернулась вправо. Я подчинилась, перекатившись в узкую щель, и в ту же секунду там, где я лежала, пролетел сорванный стальной лист, способный разрубить меня пополам. Я хрипела, задыхаясь от плотности потока, пока не прорвалась к следующей арке.

Вторая зона – **Мороз** – встретила меня не просто холодом, а мертвой, звенящей пустотой. Температура упала на десятки градусов в одно мгновение, высасывая жизнь из каждой клетки моего тела. Влага, оставшаяся на одежде после зоны Урагана, мгновенно превратилась в ледяную броню. Майка встала колом, превратившись в наждачную бумагу, которая при каждом движении больно обдирала кожу на сосках и ребрах.

Стены коридора покрылись толстым слоем инея, а пар от моего дыхания замерзал в воздухе, осыпаясь на пол колючей алмазной пылью. Я сделала шаг, и мои босые ступни прилипли к ледяному бетону. Боль была такой резкой, будто я наступила на раскаленные угли, но уже через минуту ноги начали неметь.

Пальцы рук побелели и согнулись, превратившись в бесполезные коряги. Я пыталась спрятать их под мышками, но мороз пробирался глубже, под самую кожу, прошивая мышцы ледяными иглами. Колени стали чужими. Каждый шаг давался с таким трудом, словно я продиралась сквозь густой

кисель.

– Дэн... – прохрипела я, но вместо голоса из горла вырвался лишь сухой хруст.

В какой-то момент силы просто кончились. Я поскользнулась и упала на колени, не почувствовав удара. Холод больше не обжигал – он стал ласковым. Стены лабиринта начали расплываться, превращаясь в мягкие, пушистые сугробы. Мне вдруг стало так уютно, так спокойно... Я вспомнила тепло своей постели в Москве, запах кофе, свет утреннего солнца. Смерть в Изнанке была невероятно соблазнительной: она обещала покой. Я начала медленно опускаться на лед, веки налились свинцом. Остановка сердца казалась такой логичной, такой правильной...

Резкая, яростная вибрация на запястье заставила меня вздрогнуть. Нить! Она забилась, как живое пойманное существо, обжигая кожу мертвенным холодом, который был даже сильнее мороза вокруг. Дэн. Он там, наверху, видел, как я сдаюсь.

Нить натянулась так сильно, что я почувствовала рывок всей рукой. В моей голове вспыхнул его голос – не ласковый, а полный ядовитой насмешки: *«Вставай, Анна. Если ты подохнешь здесь как бездомная собака, я лично вытащу твою душу из бездны, чтобы убить тебя еще раз. Вставай! Твой счет еще не оплачен!»*

Ярость. Она вспыхнула глубоко внутри, там, где еще теплилось крошечное зерно жизни. Как он смеет?! Как он сме-

ет издеваться надо мной, пока я здесь умираю ради его «Силы»?!

Я закусила губу – сильно, до крови, до того момента, пока во рту не разлился солоноватый и горячий вкус крови. Вспышка боли прошла мозг, на мгновение прогнав сладкую дымку забытья.

Я заставила себя поднять руку. Нить снова дернулась, укачивая вперед. Я вцепилась пальцами в иней на стене, обдирая ногти в кровь, и подтянулась. Снова и снова. Я ползла на коленях, оставляя за собой дорожку подтаявшего инея. Я не видела пути, я видела только пульсирующий серебристый свет на своем запястье. Дэн не давал мне уснуть. Он тянул меня за эту нить, как тонущего тащат на аркане – без жалости, ломая ребра, но вырывая из пасти смерти.

Каждый вдох был как глоток битого стекла. Но я шла. Я ненавидела этот лабиринт, я ненавидела самодовольного демона наверху, и эта ненависть стала моим персональным костром. Когда я наконец увидела впереди мерцающую завесу зоны Воды, я поняла: я выжила не потому, что была сильной, а потому, что его наглость была моим лучшим стимулом.

Я ввалилась в следующую арку, где мороз отступил, сменившись влажной духотой, и рухнула на пол. Моя одежда оттаивала, причиняя невыносимую муку – так называемый ожог холодом, но я была жива. И я знала, что Пингвин и остальные Высшие сейчас фиксируют новый скачок ставок на девчонку, которая отказалась замерзнуть.

Третья зона – **Вода** – стала испытанием не столько для тела, сколько для самого глубокого, первобытного страха. Коридор резко, без предупреждения, оборвался вниз, уходя в черную, маслянистую бездну. У меня не было времени на раздумья: бетонный пол просто закончился, и я с головой рухнула в ледяную, вязкую жижу, которая по консистенции напоминала жидкий кисель.

Вода была настолько холодной, что легкие мгновенно сковало спазмом. Я попыталась вынырнуть, но над головой оказался глухой бетонный свод. Ловушка. Паника, липкая и черная, как сама эта вода, парализовала сознание. Я начала беспорядочно бить руками по воде, пытаюсь нащупать хоть каплю воздуха, но везде был только холод и непроглядная тьма.

Я сделала судорожный вдох, и ледяная, горькая взвесь хлынула в нос и рот, обжигая гортань. Сердце в груди забилось, ударяясь о ребра так сильно, что звук отдавался в ушах. Кислород в крови стремительно таял, перед глазами поплыли кровавые пятна.

В этот момент что-то склизкое и длинное – то ли водоросль из Изнанки, то ли чьи-то пальцы – обвилось вокруг моего правого колена. Оно было неестественно холодным и сильным. Меня резко дернуло вниз, в самую глубину, в объятия вечного мрака. Я попыталась закричать, но из горла вылетели лишь пузырьки последнего воздуха. Горло сжалось в

челюстях невидимых тисков. Всё. Это конец. Глупая смерть в канализации Изнанки.

Но вдруг мое запястье обожгло.

Нить! Она натянулась так резко, что я услышала хруст в собственном суставе. Дэн не просто тянул – он рванул меня с такой яростью, будто хотел выдернуть мне руку. Через это натяжение я почувствовала его электрический гнев и тихий, приказной шепот в голове: *«Греби, дура! Вверх и лево! Не смей закрывать глаза!»*

Я доверилась этому натяжению, как слепой доверяет собаке-поводырю. Собрав остатки воли, я изо всех сил ударила ногой по тому, что держало меня за колено. Раздался странный, хлюпающий звук, и хватка ослабла. Работая ногами до судорог в икрах, я рванулась вслед за натяжением Нити. Одежда – намочшая майка и тяжелые от воды джинсы – тянула на дно, превращаясь в свинцовые оковы.

Когда легкие уже готовы были взорваться, я почувствовала перемену. Голова вылетела из воды в крошечный зазор между поверхностью и потолком – узкий воздушный карман, не больше десяти сантиметров высотой.

Я вцепилась пальцами в неровности бетонного свода, судорожно хватая ртом воздух, перемешанный с запахом сырости и плесени. Каждое движение стоило огромных усилий, пальцы соскальзывали со склизкого бетона, но Нить продолжала мерно пульсировать, давая мне опору. Я висела там, отплевывая горькую воду, чувствуя, как по телу проходит

дрожь облегчения.

– Спасибо... – прохрипела я в пустоту, зная, что он слышит.

В ответ Нить коротко дернулась дважды – «хватит ныть, двигайся». Впереди, сквозь толщу воды, забрезжил желтоватый свет зоны Пустыни. Я сделала глубокий вдох, набрав побольше воздуха в горящие легкие, и снова нырнула в темноту, следуя за серебристым лучом на моем запястье.

Четвертая зона – **Пустыня** – обрушилась на меня слепящим ударом. Секунду назад я дрожала от ледяной воды, а теперь реальность взорвалась сухим, нестерпимым жаром. Мокрая одежда, которая мгновение назад казалась якорем, превратилась в пыточное орудие.

Бетон коридоров исчез, под моими ступнями теперь был раскаленный, мелкий, как пыль, песок. Он мгновенно облепил мокрую кожу ног, превращаясь в грубую корку, которая натирала до крови при каждом шаге. Воздух здесь не просто был горячим – он был густым и неподвижным, словно расплавленное олово. Маревое дрожало над горизонтом, искажая пространство, превращая стены лабиринта в зыбкие миражи.

Жажда впиалась в горло сухими, железными когтями. Слизистая рта пересохла так сильно, что язык прилипал к небу, а каждый вдох обжигал гортань, будто я глотала подожженный бензин. Мои тяжелые джинсы, пропитавшиеся водой в

прошлой зоне, теперь сошли с пугающей скоростью, покрываясь белыми разводами соли. Ткань стала жесткой, колючей и тяжелой, она впивалась в бедра, мешая идти, сдирая слой кожи при каждом движении.

Кожа на лице горела. Мне казалось, что я слышу, как она трескается под безжалостными невидимыми лучами Изнанки. Глаза слезились от мелкой песчаной взвеси, поднятой горячим ветром, и каждая слеза мгновенно испарялась, оставляя жгучую соль.

– Это издевательство... – простонала я, прикрывая лицо рукой.

Но Нить на моем запястье не давала мне остановиться. Она была натянута, как струна скрипки, и теперь обжигала кожу не магическим холодом, а сухим, требовательным теплом. Дэн словно подталкивал меня в спину. Я чувствовала его нетерпение через этот тонкий серебристый поводок. Он не позволял мне упасть на колени и зарыться лицом в этот проклятый песок.

Я шла вперед, пошатываясь, оставляя позади глубокие следы. В ушах звенело от зноя, а перед глазами плыли багровые пятна. Каждый шаг был преодолением – я буквально вырывала свои ноги из вязкого песка, чувствуя, как мышцы горят от перенапряжения. Я была на грани теплового удара, когда сквозь марево золотистой пыли наконец увидела Его.

В самом центре зоны, на небольшом каменном возвышении, застыл шест. Мой флаг – багряный лоскут ткани – ле-

ниво шевелился в раскаленном воздухе. Но путь к нему преграждала тень.

Парень в шортах. Он выглядел как живой труп: лицо в ожогах, губы потрескались до черноты, одежда превратилась в тряпье. В его глазах не было ничего, кроме животного отчаяния. В правой руке он сжимал острый обломок бетона со следами запекшейся крови. Он ждал меня. Организаторы Лабиринта – эти садисты с Пингвином во главе – всё рассчитали. Двое измотанных существ, один успех на двоих.

Нить на моем запястье вдруг ослабла, а затем начала пульсировать в рваном, жестком ритме. Пульс Даниэля. Он словно говорил мне: *«Смотри на него. Он слабее. Он боится больше тебя. Сделай это»*.

Я сглотнула густую, горькую слюну и сделала шаг на раскаленную арену. Мой финал начался.

– Прости, Анна... мне нужно это кольцо... я просто... я чертовски хочу домой. – голос парня превратился в сиплый, надтреснутый шелест, от которого у меня внутри всё перевернулось.

Он стоял напротив меня, пошатываясь на раскаленном песке. Его глаза, когда-то, наверное, ясные, теперь были налиты кровью и затуманены безумием изнеможения. Он сжимал обломок бетона так крепко, что костяшки его пальцев побелели. Я видела, как по его лицу струится пот, смешиваясь с грязью и кровью из разбитого лба. Он не был мон-

стром. Он был таким же напуганным человеком, вырванным из привычной жизни, как и я. В этот момент я почувствовала тошнотворную близость к нему – мы оба были лишь кормом для тех, кто наблюдал за нами сверху.

Внезапно Нить на моем запястье, до этого натянутая как струна, резко ослабла. Я чуть не пошатнулась от неожиданности. А затем она начала пульсировать. Это был странный ритм – три коротких толчка, пауза, один длинный. Дэн. Он не мог поднять за меня руку, не мог ударить вместо меня, но он был там, в моем сознании, в моих мышцах.

Нить дернулась, указывая на левую сторону. Я присмотрелась. Парень едва заметно заваливался на левый бок, его колено дрожало, а щиколотка была неестественно распухшей. Он хромал. Дэн акцентировал натяжение Нити именно на эту уязвимость, почти физически толкая меня в ту сторону, где оборона врага была прорвана.

– Я тоже хочу домой. – выдохнула я. Мои слова прозвучали как приговор.

В груди, под слоями страха и жажды, закипала какая-то древняя, ледяная ярость. Это была не злость на этого несчастного парня – это была ярость на всю эту систему, на Пингвина, на Барона и даже на Дэна. Если им нужна кровь, если они хотят зрелищ – я дам им это, но на своих условиях.

Он бросился на меня с отчаянным криком, замахиваясь камнем. В его движении не было тактики, только слепая попытка выжить. Я не стала убегать. Мое тело, ведомое им-

пульсами Нити, сработало само.

«*Нырять*». – пронеслось в голове через натяжение серебряного поводка.

Я пригнулась, пропуская его руку с камнем над головой. Воздух свистнул в сантиметре от моего уха. Пользуясь тем, что он по инерции пролетел вперед, я резко, со всей силы, ударила своей ногой по его травмированной лодыжке. Раздался сухой, противный хруст. Парень взвыл и рухнул лицом в горячую пыль, потеряв ориентацию от вспышки боли.

Я оказалась над ним раньше, чем он успел перевернуться. В моих руках был тяжелый, острый кусок камня. Мое тяжелое дыхание обжигало мне губы. Я видела его затылок, видела тонкую венку, пульсирующую на виске. Один удар острым краем – и всё закончится. Кодекс получит свою жертву, ставки закроются, Дэн получит свою силу.

«*Убей его*». – казалось, шептало всё пространство лабиринта.

Но перед глазами вспыхнуло лицо Лизы. Я вспомнила, как её встряхивали за волосы, как её превращали в вещь. Если я сейчас размозжу ему голову, я стану такой же деталью этого механизма. Я стану одной из них.

Руки дрожали так сильно, что я едва удерживала камень. Пот заливал глаза, щипал раны. Парень захрипел, пытаюсь опереться на локти, его пальцы судорожно скребли песок.

– Нет. – прошептала я.

Я перехватила обломок бетона за острые края и, замах-

нувшись, с силой обрушила его тяжелую, плоскую сторону на затылок парня. Глухой, тошный звук удара. Тело подомной обмякло и распласталось на песке. Он был жив, но без сознания.

Мои пальцы, ставшие липкими от его пота и пыли, коснулись его руки. Я сорвала серебряное кольцо с его пальца. Оно было неестественно, мертвенно-холодным среди этого раскаленного ада. Как только металл оказался в моей ладони, Нить на запястье ярко вспыхнула багровым пламенем, оповещая всю Изнанку: трофей взят. Жертва принесена, пусть и не так, как ожидали стервятники наверху.

Я повалилась на бок, задыхаясь, прижимая флаг и кольцо к груди. Победа была на вкус как горькая соль и горячий пессок. Но я всё ещё чувствовала себя человеком.

Я поползла до шеста, сорвала флаг и рухнула рядом с бесчувственным парнем.

Над лабиринтом, в недостижимой вышине, я на мгновение увидела лицо Дэна. Он нависал над макетом, как бог над муравейником. Его губы были плотно сжаты, а в глазах читалось нечто среднее между облегчением и ядовитым торжеством. Он видел всё. Он знал, что я не убила, и это его злило, но сам факт победы заставлял его Нить сиять ярче.

– Ты победила, – прозвучал его голос прямо в моей голове. – Теперь закрывай глаза. На сегодня боли достаточно.

Я отключилась, сжимая в кулаке трофей и флаг.

Глава 14

Свет в номере был приглушенным, но для моих воспаленных глаз он казался серией из резких ударов тока. Я попыталась сдвинуться хотя бы на сантиметр, и в ту же секунду всё тело – от кончиков пальцев до корней волос – отозвалось такой симфонией боли, что внутри всё сжалось. Это была не просто усталость, а выжженная пустота. Мышцы горели, словно по ним проехался каток, а кожа, содранная об лед и иссушенная песком, ныла при каждом соприкосновении с простыней.

Я лежала неподвижно, глядя в потолок, и в памяти рваными кусками всплывал кошмар: свист ураганного ветра, ледяная тишина воды, хруст кости под моей ногой и тот ужасающий, мертвенный холод трофейного кольца. Я чувствовала себя так, будто меня разобрали на части и собрали заново, забыв вставить что-то важное. Душу.

– Ну наконец-то. Я уже начал проверять пульс, думая, не пора ли заказывать тебе веночек из черных лилий. – раздался знакомый, нестерпимо бодрый голос.

Дэн сидел в кресле, закинув ногу на ногу. Он выглядел просто вызывающе безупречно – ни единой складки на футболке, ни капли той изнуряющей грязи, что до сих пор мерещилась мне на руках.

– Сколько я... – я осеклась, голос был похож на шелест

старой бумаги. Откашлялась и попробовала снова. – Сколько я спала?

– Почти двое суток, Анна. Ты отключилась так эффектно, что Пингвин даже хотел замерить глубину твоего обморока для истории Игр. – он захлопнул книгу и поднялся, его присутствие мгновенно заполнило комнату, вытесняя остатки моего сна. – Ты победила. Это факт. Но твоё милосердие... Боги, Анна, это было просто жалко.

Дэн подошел к кровати, и я увидела, как его глаза потемнели от настоящего, острого раздражения.

– Зачем ты оставила его в живых? Ты понимаешь, что в нашем мире недобитый враг – это не «добрый поступок», а мишень, нарисованная у тебя на лбу? Ты лишила его защиты, забрала кольцо, но оставила жизнь. Это даже не слабость, это глупость, за которую мне пришлось краснеть перед Бароном.

– Ой, простите, что ранила вашу нежную демоническую репутацию! – я нашла в себе силы огрызнуться, хотя каждое слово отдавалось пульсацией в висках. – Это называется «быть человеком», Даниэль. Понимаю, для тебя это понятие из области квантовой физики – вроде существует, но никто не видел. Я забрала чертово кольцо. Я прошла твой ад. Оставь мою совесть в покое.

– Совесть в Изнанке весит слишком много, она тебя ко дну потянет быстрее, чем та вода в лабиринте. – он вдруг стремительно сорвался с места и с кошачьей грацией, с диким разбегом запрыгнул прямо ко мне в кровать.

Я вскрикнула от неожиданности, когда матрас прогнулся под его весом. Дэн растянулся рядом, нагло вато закинув руки за голову и едва не задев меня локтем. Его кожа источала сумасшедший жар, который я чувствовала даже через толстое одеяло.

– Но есть и приятные новости. – он повернул голову ко мне, и на его лице расцвела та самая, бесячая и притягательная ухмылка. – Следующее испытание только через месяц. У нас целых тридцать дней абсолютного безделья в этом прекрасном Лондоне. И знаешь, что самое интересное? Целый месяц, чтобы мы с тобой... познали друг друга во всех смыслах этого слова.

Я дернулась, пытаюсь отодвинуться, но тело предательски заныло от резкого движения.

– Ты... ты совсем страх потерял?! А ну брысь отсюда! Кровати ему мало, решил ко мне под бок пристроиться? Познаватель хренов. Максимум, что ты познаешь – это как больно летит в голову этот стакан, если ты сейчас же не уберешь свои лапы!

Дэн только рассмеялся, перекатившись на бок и подперев голову ладонью. Он смотрел на меня так, будто я была самым забавным зрелищем в его многовековой жизни.

– Анна, ну зачем столько пафоса? Мы связаны Нитью. Мы – одно целое. Твоё возмущение пульсирует у меня под кожей так сладко, что я просто не мог удержаться. К тому же, я – твой Господин. Забыла правила Кодекса? Я могу спать хоть

на потолке над твоей головой, если захочу. Но рядом с тобой гораздо... теплее.

– Ты – самовлюбленный индюк с манией величия! – я со злостью перехватила одеяло. – Веди себя нормально, или я клянусь, я найду способ заблокировать твою Нить так, что ты даже не поймешь, в какую сторону я ушла из номера.

– О, вызов принят, куколка. Обожаю строптивых пешек, они дольше живут. – его голос стал вдруг ниже, в нем проскользнули странные нотки, от которых по моей спине пробежали мурашки не от холода, а от какого-то глубокого, запретного узнавания. – Ты действительно молодец. Смекалка с обломком камня... это было эффектно. Пингвин был в таком восторге, что едва не подавился своим моноклем.

– Рада, что порадовала твой зоопарк. – язвительно бросила я, чувствуя, как злость потихоньку выветривается, уступая место какому-то странному, уютному принятию. Мы действительно нашли общий язык в этих бесконечных перепалках. Это был наш щит. – И что теперь? Месяц будем сидеть здесь и упражняться в остроумии?

– Ну, я планировал первую неделю посвятить рассказам о своем величии. – он подмигнул мне, коснувшись кончиком пальца моей руки. – Но потом решил, что ты откусишь мне палец, а я им дорожу.

Дэн легко вскочил с кровати, одним движением поправляя футболку, и протянул мне ладонь. В его жесте было столько неожиданной уверенности и чего-то похожего на...

человеческое приглашение?

– Давай так: ты идешь в душ, смываешь с себя этот бетонный кошмар и копоть, а вечером мы пойдем на свидание. В нормальное место. Без Высших, без ставок и без этой магической вони. Просто ты, я и Лондон.

Я замерла, недоверчиво глядя на его руку.

– Свидание? С существом, которое заставляет меня убивать людей? Ты серьезно? Опять какой-нибудь бал с покойниками в корсетах?

Дэн закатил глаза к потолку:

– Анна, я искренне стараюсь быть милым, не порти момент. Мы в Лондоне. Здесь пабы, которым по пятьсот лет, и лучший джин в этом полушарии. Рискнешь выйти в мир с чудовищем, которое вполне может оплатить счет?

Я вздохнула, чувствуя, как губы сами собой растягиваются в слабой улыбке.

– Ладно. Но если ты выкинешь какой-нибудь фокус – я заставлю тебя сожрать меню.

– Договорились. – рассмеялся он. – У тебя час. Не заставляй мою темную душу томиться в ожидании.

Я замерла, так и не донеся руку до одеяла, чтобы поплотнее прикрыться. В груди что-то странно екнуло и замерло – короткий, хаотичный сбой привычного ритма.

Свидание?

Слово казалось до абсурда нормальным, уютным и земным, как горячий чай или запах старых книг. Оно совершен-

но не вязалось с этим мужчиной, чьи глаза порой напоминали остывающую золу, и с этой комнатой, где под слоем роскоши прятался запах опасности.

Я смотрела на его протянутую ладонь – ту самую, которая еще полчаса назад во сне заставляла меня стонать от желания, а в Лабиринте вырывала из лап смерти. Теперь эта рука предлагала мне... что? Попытку стать обычными? Игру в нормальность?

– Ты серьезно? – мой голос прозвучал тише, чем я планировала. – Дэн, посмотри на меня. Я выгляжу так, будто меня пропустили через промышленный миксер. Последнее, о чем я думаю – это о романтических прогулках при луне.

Но в глубине души – там, куда не долетал пафос моих защитных колкостей, проснулась предательская надежда. Мне до крика, до боли в зубах захотелось простого человеческого вечера. Чтобы рядом не было убийц, чтобы на меня не пялились через магические сферы, чтобы не нужно было ждать удара в спину.

Я подняла взгляд на него. Дэн ждал. В его позе не было привычного давления, только это странное, почти мальчишеское нетерпение, которое он пытался скрыть за маской скуки. И в этот момент я поняла, что боюсь этого похода больше, чем ледяной воды в Лабиринте. Потому что там было понятно, как сражаться. А как вести себя с ним, когда он не пытается меня убить или сломать – я не знала.

– Ладно. – выдохнула я, и мое сердце тут же пустилось в

галоп. – Я пойду. Но учти: если ты хоть словом зайкнешься о Кодексе или правилах, я запущу в тебя своим бургером.

Я наконец вложила свои тонкие, всё еще дрожащие пальцы в его большую, горячую ладонь. Ощущение было таким сильным, что по руке пробежал разряд статического электричества.

– Бросаться едой – это так по-человечески. – он сжал мои пальцы, и на мгновение его взгляд смягчился настолько, что мне стало страшно. – Обещаю: сегодня я буду самым скучным спутником в твоей жизни.

Когда он вышел, я еще долго сидела на кровати, глядя на свои руки. Месяц отдыха. Месяц рядом с ним. Эмоции внутри бурлили: страх, злость, и то самое щекочущее ожидание чего-то, что могло стать либо моим спасением, либо окончательным падением.

– Ну что, Анна. – прошептала я себе под нос, направляясь к зеркалу. – Посмотрим, умеют ли монстры играть в свидания.

Глава 15

Вечерний Лондон встретил нас мелкой, почти невесомой изморосью. В свете газовых фонарей она казалась хрустальной пылью, тающей на одежде. Никакого пафоса, никакой магии – на мне были джинсы и теплый свитер, а Дэн сменил свой пугающий облик на простое темное пальто. Если бы не этот его слишком уверенный, хищный взгляд, его можно было принять за простого отдыхающего.

Мы осели в старом пабе «The Anchor» на самом берегу Темзы. Внутри было тесно, шумно и пахло настоящим Лондоном: темным элем, жареным солодом и старым деревом.

– Ну и как тебе? – Дэн усмехнулся, пододвигая ко мне тарелку с золотистой рыбой и горой картошки. – Это вкуснее, чем глотать пыль в Лабиринте?

Я впиалась зубами в горячий кляр, и мне показалось, что я в раю.

– Это божественно. Ты даже представить не можешь. После двух дней сна и той бетонной крошки на зубах... кажется, я готова продать душу еще раз за вторую порцию.

– Осторожнее с желаниями, Анна, я ведь могу принять это за официальную сделку. – он откинулся на спинку стула, лениво попивая густой стаут. – Хотя сегодня я в хорошем настроении. Наслаждайся. На нас сейчас никто не смотрит. Мы здесь просто пара туристов.

– Просто пара? – я язвительно прищурилась, отправляя в рот ломтик картофеля. – Демон-манипулятор и его вложение в джинсах. Идеальное свидание.

– В этом городе это называют «эксцентричностью». – Дэн рассмеялся, и этот смех в шуме паба звучал на удивление по-человечески.

Когда мы вышли на набережную, шум голосов сменился мерным гулом города и плеском темной воды Темзы. Мы шли вдоль парапета, и прохладный ветер приятно охлаждал лицо после душного бара.

– Слушай... – я нарушила молчание, глядя на то, как огни Сити отражаются в реке, размываясь в длинные золотые мечи. – Расскажи хоть что-то о себе. Ну, без этих пафосных легенд. Чем ты занимаешься, когда не мучаешь людей в Лабиринтах?

Дэн остановился, глядя на проплывающий мимо катер. – Да тем же, чем и все. Наблюдаю. Пытаюсь не скучать. Изнанка – место довольно однообразное, Анна. Там нет этих запахов, нет этого ветра. Там всё – лишь отражение ваших страхов. А здесь... здесь всё по-настоящему.

– Тебе нравится наш мир? – я подошла ближе, заглядывая ему в лицо.

– Мне нравится его непредсказуемость. Вот ты, например... – он повернулся ко мне, и в его глазах блеснул лукавый огонек. – Я думал, ты будешь плакать весь вечер, а ты умяла фиш-энд-чипс за троих и теперь допрашиваешь меня,

как прокурор. Это забавно.

– Я просто пытаюсь понять, с кем я провожу этот месяц. – Я засунула руки в карманы. – Ты ведь не просто так выбрал именно меня, а не Лизу, на пример?

– В Лизе было слишком много пафоса и слишком мало жизни. А ты... ты была настоящей. Злой, уставшей и очень колючей. Это бодрит. – он сократил расстояние между нами, и я почувствовала его привычный жар. – Знаешь, в Изнанке всё подчинено правилам. А ты – это одна сплошная ошибка в расчетах. И мне это нравится.

Я покачала головой, скрывая невольную улыбку:

– Ты неисправим. Даже на свидании умудришься выдавать сомнительные комплименты.

– Я стараюсь. – он вдруг осторожно, почти невесомо коснулся моей щеки кончиками пальцев. – Давай договоримся: в этом месяце мы не будем говорить о смерти. Только о том, какой джин в Лондоне самый лучший, и почему ты так смешно хмуришься, когда о чем-то думаешь.

Его пальцы были горячими, и от этого прикосновения по моей коже пробежала волна, которая не имела ничего общего с магией. Я накрыла его ладонь своей, и на мгновение тишина между нами стала такой уютной, что я забыла о Лабиринте, Игре и демонах.

– Третье правило обещаешь? – тихо спросила я.

Дэн притянул меня ближе, укрывая от ветра полрой своего пальто.

– Третье правило Кодекса: О Тишине за Гранью.

Оно гласит, что слова – это лишь шум, предназначенный для толпы. Истинные союзы заключаются в молчании. Когда ты перестаешь бояться тишины рядом с кем-то – ты перестаешь быть для него чужим.

Я прижалась ухом к его груди, слушая его сердце. Оно билось. Сильно и ритмично.

– Ну что же, Даниэль... – проворчала я, закрывая глаза. – Посмотрим, как долго мы сможем молчать.

– Ты слишком много думаешь, Анна. – прошептал он, и его голос прозвучал так низко, что завибрировал у меня в позвоночнике.

Он начал наклоняться. Я поняла, что сейчас произойдет, и внутри всё сжалось в тугую, панический узел.

– Нет, Дэн... не надо. – я уперлась ладонями в его грудь, пытаюсь создать хоть какую-то дистанцию. Это было безумие. Он мой Господин, мой мучитель, демон, который разрушил мою жизнь. Поцеловать его – значит признать поражение. – Мы так не договаривались.

Но он даже не шелохнулся. Его тело было как гранитная скала – холодное снаружи и пылающее изнутри. Из него словно вырвалась невидимая волна силы, пригвоздившая меня к парашюту. Дэн перехватил мои запястья одной рукой, заводя их мне за спину, и властно притянул меня к себе.

– Ты сама этого хочешь. Твоё сердце колотится о мои ладони так, что заглушает шум реки. – выдохнул он мне в са-

мые губы.

И он поцеловал меня.

Сначала это было почти столкновение – жесткое, требовательное, на грани грубости. Его губы накрыли мои с такой силой, что я почувствовала металлический привкус разбитой в лабиринте губы. Я дернулась, пытаясь отвернуться, зажмурилась, отталкиваясь от него всем телом. В голове пульсировала одна мысль: «Нельзя! Это ловушка!».

Но Дэн не отпускал. Его поцелуй внезапно изменился. Яростный напор сменился невыносимой, томительной нежностью, которая была еще опаснее силы. Он словно пробовал меня на вкус, медленно и глубоко, выпивая мое сопротивление по капле. Его губы были мягкими и горячими, они пахли темным элем и ночным Лондоном.

Я продержалась еще несколько секунд. Мои пальцы, до этого сжатые в кулаки, начали медленно разжиматься. Сопротивление таяло, как лед под струей кипятка. Я почувствовала, как по телу прошла судорога, и я... сдалась.

Мой судорожный вздох утонул в его поцелуе. Я перестала бороться и ответила ему – жадно, отчаянно, с той же яростью, с которой сражалась в Лабиринте. Это было похоже на падение в бездну, где нет ни Изнанки, ни людей, ни правил. Было только ощущение его языка, дразнящего и властного, жар его дыхания и то, как его свободная рука запуталась в моих волосах на затылке, прижимая еще крепче.

В этом поцелуе было всё: моя ненависть к нему, мой страх

перед будущим и та странная, болезненная благодарность за то, что он не дал мне замерзнуть и утонуть. Мои чувства перемешались, превращаясь в пожар, который выжигал из мыслей всё лишнее. Я буквально вросла в него, чувствуя, как Нить на моем запястье сияет так ярко, что жар от нее пронзает всё плечо.

Когда он наконец отстранился, я не смогла открыть глаза сразу. Голова кружилась, а ноги стали ватными. Весь мир вокруг – мост, река, далекие гудки машин – казался нереальным.

Дэн тяжело дышал, его лоб упирался в мой. Я чувствовала, как его пальцы всё еще дрожат в моих волосах.

– Ну вот... – его голос был хриплым и лишенным привычной насмешки. – Теперь ты знаешь, как звучит тишина на самом деле.

Я открыла глаза и увидела его зрачки – бездонные, в которых на мгновение отразился не демон, а кто-то... кто-то, кто тоже очень долго был одинок.

– Я всё еще тебя ненавижу... – прошептала я, хотя мои губы горели от его поцелуя, а сердце требовало продолжения.

– Отлично. – Дэн слабо улыбнулся и снова спрятал лицо в моих волосах. – Ненависть – отличное топливо. Главное не дай ему погаснуть до утра.

Глава 16

Ночь в лондонском отеле была наполнена шорохом дождя за окном и гнетущей, звенящей пустотой внутри номера. Я лежала в огромной кровати, завернувшись в прохладные крахмаленные простыни, и слушала оглушительный стук собственного сердца. После того поцелуя на набережной всё во мне перевернулось. Губы до сих пор горели, а кожа на затылке, там, где он сжимал мои волосы, покалывала от фантомного жара его пальцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.